

Мужчины всякие нужны, мужчины всякие важны!
Всегда, а особенно весной. Всякие, а особенно такие,
кто пишет и читает книги. Так мужчина стал главным героем
этого номера «Большой Библиотеки».

Слово — мужчинам!

Роман Сенчин — современный русский прозаик, «Без иронии,
это наш Чехов», — сказал о нем литературный обозреватель
«Независимой газеты» Михаил Бойко.

Интервью с Евгением Зиминым, новым главным режиссером
Екатеринбургского театра юного зрителя, *«Главное, ребята,
сердцем не стареть!»*

Профессиональными секретами поделится Андрей Кашкаров —
психолог детского чтения из Санкт-Петербурга.

Что любят делать наши мужчины? Конечно, писать книги
и пить коктейли!

Аркадий Застырец издал новую книгу «Конкорды». «Книжка
выходит “нелегально”, с нарушением целого ряда правил».
Подробности — в «Анонсе».

С помощью Е. Гришковца, В. Ерофеева, А. Гениса,
Т. Осиро и К. Кларка «заказываем крепкие, а потом модные»
«Маргариту», «Кровавую Мэри», «Слезу комсомолки»,
«Сучий потрох» в рубрике «Декор».

Приятного аппетита и увлекательного чтения!

От редакции.

Конкорды — это не только снятые с эксплуатации англо-французские сверхзвуковые пассажирские самолёты.

«Конкорды» — это ещё и название одной маленькой книжечки стихотворного содержания, случайного происхождения, с авторством «небезызвестного в известных ему кругах» Аркадия Застыреца.

Создавались «Конкорды» в рекордно короткие сроки. И «в сущности из типографских отходов». В блоге Аркадия Валерьевича (<http://zastirez1.livejournal.com/135476.html>), от записи с идеей печатать книжку-малышку, до объявления о ее презентации — всего 8 дней.

По словам самого автора, «книжка выходит “нелегально”, с нарушением целого ряда правил. Так, в ней нету титульного листа и выходных данных (лишь издательство и год указаны на задней крышке обложки). Зато имеется загадочный листок-вкладыш с двумя стихотворениями “for authorized persons only” и хитрые дощатые завороты-закладки».

Интригует? Все верно.

Книжку хочется вертеть так и сяк; разглядывать со всех сторон; прикасаться к гладким наощупь, но визуально шероховатым, картонным страничкам; следить, чтобы не потерялся непронумерованный листок-вкладыш — и, конечно, читать.

Но хочется-то хочется, а вот подступиться к такому чтению не просто. Здесь метафоры не очевидны, и их приходится разгадывать, привлекая весь опыт своих переживаний. Здесь нет спокойствия и ровности — и как в воздушную яму тебя швыряет в беспомощное непонимание крутой стихотворный перенос, или стоящие рядом слова позабытые, редкие — и новые, жаргонные, совсем не поэтические, грубые... Ритм этого танца, этой погони за смыслом — ломаный, жесткий, прерывистый... Это на первый раз.

А на второй, особенно если читать между строк, — можно взлететь. Причем, для самого себя неожиданно, оторвавшись от земли прямо с грязью на подошвах ботинок — можно оказаться прямо в воздухе. Еще бы! Ведь в каждом стихотворении — тоскующий, упрямый, надеющийся и любящий — взгляд вверх. В каждом стихотворении — Небо. Сконцентрировано-буквально, или атмосферно-чувственно. Небо — и есть смысл.

*Я понял о смысле, который всегда за границей,
За контуром вещи и вещей до вечности сном.
И вспыхнули крылья... И вспыхнули? Нет, не годится.
Зажглись и не гаснут в обещанном небе ином.*

И вот этот взлет — лучшая награда за чтение. Это благодать, согласие между автором и читателем.

Да, и кстати, согласие по-французски — Concorde.

К. Водонос

Застырец А. Конкорды: [стихи] / Аркадий Застырец. — Екатеринбург : Омта. 2010. — 20 с. 1 лист-вкладыш.

<http://zastirez.ucoz.ru/blog>

ДОИГРАЛСЯ

ГЛАВНЫЙ РЕЖИССЕР ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ТЮЗА ИГРАЛ МОЦАРТА И ПУШКИНА И ВЫБРАЛ ПРОФЕССИЮ В ШЕСТЬ ЛЕТ

Эйштейн знал, о чем говорил: восемьдесят лет — не возраст, во всяком случае относительно Екатеринбургского театра юного зрителя. В театральном пространстве России этот театр был и остается одним из знаковых. Он никогда не робел, допускал на своей сцене режиссерскую ересь, которая впоследствии заполняла страницы истории сначала советского, а потом и российского театра. Череду легендарных спектаклей «Иуда Искариот», «Человек рассеянный», «Капитанка» сейчас дополнили «Мы, герои» Лагарса, поставленные французским режиссером Рансиейком. Детище ТЮЗАа, фестиваль «Реальный театр», остается одним из самых верных слепков современного театрального процесса.

Этот театр — молодой и задорный. Таков же и его новый главный режиссер Евгений Зимин, который родился, вырос и выучился в Петербурге. Ожидается, что коренной петербуржец «дышит духами и туманами», непременно худой и — иногда — кашляет. Зимин опровергает этот расхожий стереотип.

НЕУЖЕЛИ ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО В ДЕТСТВЕ РЕШИЛИ — ВСЁ, НЕПРЕМЕННО СТАНУ РЕЖИССЕРОМ, ВЕДЬ ЭТО ТАКАЯ ШТУЧНАЯ ПРОФЕССИЯ?

Точно. Я сизмальства знал, кем стать, проблему выбора решил сразу, раз и навсегда. И тому есть доказательства — ценный артефакт, который до сих пор хранят мои родители. Это программка спектакля по Маршаку, который я поставил в шесть лет с труппой пластмассовых индейцев и ковбоев. При этом у меня были определенные пристрастия: одним я давал главные роли, другим — нет. Программка выполнена по всем канонам: имеется шапка, где написано «Театр имени Евгения Юрьевича Зимина представляет», все честь по чести. К сожалению, я тогда не понимал нюансов, разницы между главным режиссером и директором, поэтому там значилось: постановка — Зимин и директор театра — он же...

БУКВАЛЬНО КАК МЕЙЕРХОЛЬД!
И, ЕСЛИ Я НЕ ОШИБАЮСЬ, НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО В СВОЕЙ КНИЖКЕ ПИСАЛ, ЧТО ЕЩЕ В ДЕТСТВЕ СТАВИЛ СПЕКТАКЛЬ С ИГРАЛЬНЫМИ КАРТАМИ (ПРАВДА, Я ВСЕГДА ПОДОЗРЕВАЛА, ЧТО ЭТО ОН ТАК УЧИЛСЯ ПРЕФЕРАНСУ).

фото:
© Евгений Литвинов

ТАК ЧТО ВЫ СЛЕДУЕТЕ ПО СТОПАМ ВЕЛИКИХ...
ТАК И ХОЧЕТСЯ ЗАМЕТИТЬ: ВЕРНОЙ ДОРОГОЙ ИДЕТЕ,
ТОВАРИЩ!.. РОДИТЕЛИ ВАС ПОДУЧИЛИ СТРЕМИТЬСЯ
В РЕЖИССЕРЫ? ВЕДЬ ПРОГРАММКА – НЕ ПРОСТО ПРЕДМЕТ,
А – СВИДЕТЕЛЬСТВО ОПРЕДЕЛЕННОГО УРОВНЯ
ТЕАТРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ...ВЫ ИЗ ТЕАТРАЛЬНОЙ СЕМЬИ
ИЛИ, ТАК СКАЗАТЬ, В ПЕРВОМ ПОКОЛЕНИИ?

Да, к театру меня приучили родители. В Петербурге тогда было множество всяческих абонементов, к примеру, «Премьеры сезона драматических театров». Всё это я смотрел, впитывал.. Родители мои не имеют к театру никакого отношения, проработали всю жизнь на заводе — от станка до начальника цеха. Мама уже на пенсии, папа еще работает, но первичное театральное воспитание они мне дали. И, благодаря ему, когда я заканчивал школу, то вариантов, куда поступать, у меня не было. Я четко настраивался только в театральный вуз и только на режиссуру. Было мне тогда 16 лет и пришел я поступать в ЛГИТМИК (Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии; ныне — СПбГАТИ, Санкт-Петербургская академия театрального искусства — *прим. ред.*).

НО НА РЕЖИССЕРОВ ЖЕ БЕРУТ, КАК ПРАВИЛО,
ЛЮДЕЙ БЫВАЛЫХ, СО СТАЖЕМ?

Да, педагоги сильно удивлялись. На собеседовании мне объяснили, что режиссер — это человек со опытом, претерпевший различные жизненные перипетии. Я сильно перепугался — ах, неужели в театр мне навсегда закрыта дорога? Может, на актерский факультет попробовать? Мне объяснили, что как раз с актерами наоборот: чем он более молод, юн и свеж — тем лучше. И после этого я поступил к Зиновию Яковлевичу Корогодскому.

С ПЕРВОГО РАЗА?

Ну да. У нас был смешанный актерско-режиссерский курс, после второго курса уже пошла дифференциация. Еще вмешались и глобальные исторические процессы. Когда я поступал, был еще Советский Союз, дружба народов и безоблачное небо. Мы сформировались в студию при «Театре поколений» — новом детище Корогодского. Там тогда работала мощная молодая труппа.

И тут наступил 91 год. Советский Союз закончился, и с ним закончились финансовые вложения в культуру. Институт перешел на коммерческую основу, переформировался, нас пытались доучить бесплатно — и поэтому я учился в общей сложности семь лет. На режиссуру меня зачислили с потерей года..

Труппа театра в это время потихоньку начала расплзаться на заработки, и нам, студии, приходилось держать на себе весь репертуар. И поэтому к выпуску у нас было не один — два дипломных спектакля, как у нормальных людей, а — 13!

ЧТО ЖЕ ВЫ ИГРАЛИ?

Был у нас фирменный спектакль «Пространство инстинкта» на базе упражнений — наблюдений за животными, мы его часто возили на фестивали, дважды — в Японию. Был «Телекалейдоскоп» — пародия на телевидение, которое только-только начало изменяться, там были пародии на клипы, первые видеофильмы. В эротическом фрагменте я играл главную роль, отрывок назывался «Эммануил». Николая Коляду мы играли — «Венский стул» и «Черепашу Маню», — там я играл мужа. Пушкинский был чудесный спектакль «19 октября»...

В КАКИХ ЕЩЕ РОЛЯХ ВЫ БЛИСТАЛИ?

Я играл Тюленя, Пингвина, Волка в «Пространстве инстинкта». Был у меня моноспектакль «Граф Нулин». Но звездный час настал, когда я сыграл Моцарта: девочки меня караулили у подъезда, дарили конфетки «Моцарт», — с годами я, правда, перешел на роль Сальери...

А ДИПЛОМ ВЫ ЧЕМ ЗАЩИЩАЛИ?

Поставил «Метаморфозы».

ОВИДИЯ?

Нет, такой упражненческий спектакль без слов, основанный на пластике. К примеру, одна из миниатюр называлась «гвоздь — молоток»: солдатики, как гвоздики, забивал по самое не могу младший офицер, этого офицера забивал старший офицер, — так люди превращались в предметы — в гвозди и молоток.

А потом я вышел из родительских стен в свободное плавание...

И ПРИНЯЛИСЬ, КАК Я ПОНИМАЮ, КОЛЕСИТЬ ПО СТРАНЕ? ДА И СЕЙЧАС ВАС КАК-ТО ТРУДНО ЗАСТАТЬ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ.

Сначала я работал в Петербурге. В детском «Театре на Неве» поставил «Волшебные яблоки» из «Озорных сказок» Йозефа Лады — того, которого все знают как иллюстратора «Швейка». Потом десять лет работал в Детской филармонии. В Петербурге она не такая, как в Екатеринбурге, там выступают не дети, а для них работают взрослые люди — вокалисты, актеры, танцоры, музыканты. Там я поставил штук десять спектаклей, к примеру, по мифам Древнего Египта про Исиду, «Конька-горбунка» Ершова.

С НЕПРЕМЕННОЙ ТРАВЕСТИ В РОЛИ КОНЬКА?

Нет, Горбунка у меня играл мужчина — среднего роста, плечистый и крепкий. По-моему, Иван с Конем — это два парня со своей настоящей мужской дружбой. Играли этот спектакль всего пять человек. А через семь лет я ставил этого же «Конька» в Уфимской драме, на большой сцене, — там играли уже человек 15.

Ульрих ХУБ

У КОВЧЕГА В ВОСЕМЬ

притча для детей и родителей

Режиссер: Евгений ЗИМИН

Сценография: заслуженный
художник России

Анатолий ШУБИН

Художник по костюмам:

Наталья ЕРМОЛАЕВА

Композитор:

Василий ТОНКОВИДОВ

Пластика: Анна ЕРЕМЕНКО

Художник по свету:

Евгений ЗАХАРОВ

*История Всемирного Потопа
и Божьего промысла глазами
трех пингвинов. Причем,
на Ноев Ковчег (куда могли
попасть только «каждой
твари по паре») одного из них
провозят контрабандой. В своем
невероятном путешествии
эти очаровательные пингвины
путем проб и ошибок познают
10 Заповедей и убеждаются
в том, что есть истинная
дружба, и как непросто
ее сохранить.*

Тогда я уже стал много ездить по стране, работал в Новосибирском «Глобусе», в Петрозаводске, маленьких северных городах вроде Нягани, много где. Ставил «Швейка», «Белоснежку», — у меня обширная творческая биография.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ ВЫ ВЫБИРАЕТЕ ДЛЯ ПОСТАНОВОК. ПОТОМУ ЧТО С ДЕТСТВА МНОГО ЧИТАЕТЕ?

Нет, в школе у меня была жуткий педагог по литературе, которая напрочь отвратила меня от чтения. Тогда я читал только стихи, потому что они короткие. А, скажем, Достоевского, считал я, прочитать невозможно вообще, — так и закончил школу с набитой имоскоминой. Но в институте вдруг пришло понимание, что на самом деле я серый, как валенок, — и ничего-то я не знаю, ничего не читал. И я кинулся наверстывать. Тогда я одновременно читал три книжки: одну дома, одну в метро, одну в институте.

МНОГО ЛИ ХОРОШЕЙ ДЕТСКОЙ ДРАМАТУРГИИ,
ЛЕГКО ЛИ НАЙТИ ДОСТОЙНУЮ ПЬЕСУ?
СКЛАДЫВАЕТСЯ ВПЕЧАТЛЕНИЕ, ЧТО БОЛЬШИНСТВО
ТЕАТРОВ ВЫБИРАЮТ ПЬЕСЫ, СЛЯПАННЫЕ КОЕ-КАК,
«БЕЗ ЕДИНОГО ГВОЗДЯ», ПО ПРИНЦИПУ «ВСЁ В ДЕЛО
ГОДИТСЯ».

В драматургии для взрослых всегда есть стратегический запас — классика, к которой всегда можно обратиться...

НУ ДА, КАК У БУЛГАКОВА: «ВОТ СКОЛЬКО СТАРЫХ
ХОРОШИХ ПЬЕС ЕСТЬ — ИГРАТЬ, НЕ ПЕРЕИГРАТЬ»...

А для детей такого нет. Разве что «Бременские музыканты» Энтина, затертые уже до дыр. Существует много замечательной, всеми нами любимой детской литературы, но нормальной детской драматургии нет. Огромный багаж сказок пока не приспособлен для сцены. Вот, к примеру, Николай Носов сочинил дивные книги про Незнайку — и написал по ним три пьесы, которые, увы, лишены озорства и юмора, присутствующего в книжках. По «Волшебнику Изумрудного города», «Белоснежке» тоже нет хорошего драматургического материала.

Те пьесы, что писались в 50-е годы прошлого века, хороши как драматургия, но в них заложено настолько мощное социальное начало, что сегодня их ставить уже нельзя. Принц там борется со злой Королевой за лучшее будущее, гномы изобретают бомбу... Слишком много идеологии.

КАК ВЫ ОТЫСКАЛИ УЛЬРИХА ХУБА «У КОВЧЕГА В ВОСЕМЬ» —
ВАШУ ПЕРВУЮ ПОСТАНОВКУ В КАЧЕСТВЕ ГЛАВНОГО
РЕЖИССЕРА? УВАЖЕНИЕ ВЫЗЫВАЕТ СВЕЖЕСТЬ ПЬЕСЫ, ВЕДЬ

ОНА НАПИСАНА ВСЕГО ЛИШЬ ЧЕТЫРЕ ГОДА НАЗАД, НО В ГЕРМАНИИ. КАК ОНА ПОПАЛА К НАМ? «КОВЧЕГ», НА МОЙ ВЗГЛЯД, НЕОБЫЧНАЯ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ДЕТСКОГО ТЕАТРА ПЬЕСА, ВАРИАЦИИ НА БИБЛЕЙСКИЕ ТЕМЫ СДЕЛАНЫ ЛЕГКО И НЕПРИНУЖДЕННО И, ГЛАВНОЕ, — ДЛЯ ДЕТЕЙ, БЕЗ ТЯЖЕЛОГО ГРУЗА МОРАЛИЗАТОРСТВА.

Полтора года назад на самарском фестивале «Золотая репка» устроили презентацию современной немецкой детской драматургии, читали и фрагменты «Ковчега». Материал меня привлек — и тема необычная, и характеры интересные. И когда я стал главным режиссером, я получил возможность его поставить. Специально для нас сделали перевод Йохан Ботт и Катя Гороховская — та, что озвучивает Лунтика и ставила в Екатеринбургском ТЮЗе «Серую Шейку».

СЕЙЧАС ВЫ СТАВИТЕ ПЕРРО —
А ЕГО ИНСЦЕНИРОВКУ ОТКУДА ВЗЯЛИ?

К 80-летию ТЮЗа мы готовим юбилейную премьеру. «Бонжур, месье Перро» — это фантазия Нонны Слепаковой по сказкам Шарля Перро, где лихо закручена интрига и намешано несколько сказок.

Сцена из спектакля

«У ковчега в восемь».

Второй пингвин — Алеся Маас,

Голубь — Дарья Михайлова,

Первый пингвин — Сергей Монгилев,

Третий пингвин — Сергей Молочков

Ульрих ХУБ – актер, режиссер и драматург. После окончания актерского отделения Гамбургской консерватории работал актером в театрах Гиссена и Дармштадта. В 1997 году на «Рынке драматургов» в Гейдельберге получил Первую премию за пьесу «Оскорбленные». Пьесу «У ковчега в восемь» Хуб написал в 2006 году, когда одно из немецких издательств предложило пяти театрам создать спектакли для детей на тему «Религия». Он вновь перечитал Библию, и история о Ноевом Ковчеге подтолкнула его к остроумному рассуждению на серьезные на темы.

«В моей пьесе речь скорее идет о свободе веры», – считает драматург.

В 2006 году пьеса была признана лучшей в Германии. В том же году был создан радиоспектакль «У ковчега в восемь», а в 2008 году книга по мотивам пьесы, которые также были удостоены различных призов. Пьеса переведена на французский, голландский и русский языки.

Кот в сапогах, Золушка и Спящая Красавица — известные персонажи совершают необычные поступки и говорят стихами, каждый — своим стихотворным размером. Когда я попал на эту пьесу, то даже удивился, насколько добротнo и качественно сделан этот драматургический материал, хотя написана она в 1982 году. В этой истории много поэзии и одновременно поднимаются мощные философские проблемы, как в общем-то и в любой хорошей сказке — о верности себе, которую не уничтожить никаким огнем, воде и медным трубам. Анатолий Шубин сделал волшебные декорации — целую Вселенную Перро. Сами увидите всю эту красоту.

НЕ СЕКРЕТ, ЧТО БОЛЬШИНСТВО РЕЖИССЕРОВ ВОЗЬМУТСЯ ЗА ТАКОЕ ДЕЛО ЛИШЬ В КАЧЕСТВЕ «ХАЛТУРЫ»: ТЯП-ЛЯП, БИЛЕТЫ ЖЕ ВСЕ РАВНО РАСКУПЯТ. ДА И С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СЛАВЫ – ВЫГОДНЕЕ ПОСТАВИТЬ «ГАМЛЕТА», НЕЖЕЛИ «БЕЛОСНЕЖКУ». ПОЧЕМУ ЖЕ ВЫ НЕ БОИТЕСЬ СТАВИТЬ ТАК МНОГО СПЕКТАКЛЕЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ (И, КОНЕЧНО ЖЕ, НАИБОЛЕЕ ПРОДВИНУТЫХ ВЗРОСЛЫХ)?

Ставить детский спектакль — дело неблагодарное, режиссеров, как правило, не привлекающее — потому что они либо не умеют это делать, либо думают — чего возиться? На самом деле, детский спектакль в три раза тяжелее поставить, чем взрослый. Во взрослом — режиссер может спрятаться за непонятные символы, чтобы зритель недоумевал и думал, что еще недоразвился до понимая могучей режиссерской идеи. А в детском — так не получится. Нужно завоевать доверие маленького зрителя и не потерять его. Это непростая задача.

Есть и еще один, творческий аспект. В ТЮЗе можно сделать всё, потому что актер ТЮЗа по своей природе синтетический и универсальный: утром он играет Колобка, а вечером — Гамлета, на что немногие способны. Артист большого академического театра с колоннами Гамлета-то потянет, а вот справится ли с Колобком — это большой вопрос. Словом, ТЮЗ меньше загнан в рамки академизма.

И мой выбор в пользу театра для детей — это определенная философия. Чтобы ставить спектакли для детей, нужна юность в душе: она сохраняется, потому что, общаясь с маленьким зрителем, и ты у него учишься, что-то приобретаешь. Тебе может быть и 80, и 90 лет...

ГЛАВНОЕ, РЕБЯТА, СЕРДЦЕМ НЕ СТАРЕТЬ?
ЕКАТЕРИНБУРГСКОМУ ТЮЗУ КАК РАЗ 80.

Кася Попова

РОМАН СЕНЧИН

РОССИЮ ДЕВЯНОСТЫХ И НУЛЕВЫХ БУДУТ ИЗУЧАТЬ
ПО ЕГО РАССКАЗАМ И ПОВЕСТЯМ

Роман Сенчин еще учился в Литературном институте, когда его начали печатать ведущие литературные журналы России, «Знамя» и «Новый мир». Заметила его и критика. Ирина Роднянская пророчила Сенчину большое будущее. Александр Агеев в ужасе восклицал: «Через такие тексты в мир приходит дьявол!»

Сейчас Роман Сенчин вошел в первый ряд современных русских прозаиков. Редкая статья или обзор обходится без ссылок на Сенчина. «Без иронии, это наш Чехов», – сказал о нём литературный обозреватель «Независимой газеты» Михаил Бойко. А Лев Данилкин, первый критик России, порекомендовал включить «Елтышевых», самую известную книгу Сенчина, в школьную программу. Библиотека им. Белинского выдвигала «Елтышевых» на «Букера», премию за лучший роман 2009 года.

Мало кто из современных прозаиков знает жизнь, их больше интересует собственная душа и чужие книги. А вот Роман Сенчин пишет о продавцах, менеджерах, художниках, монтировщиках декораций, милиционерах, фрузчиках, библиотекарях, преодолевая филологичность современной прозы. Кто сравнится с автором «Елтышевых» и «Льда под ногами» в дотошности описаний, в точности деталей, в достоверности картин быта и нравов? Здесь он абсолютный чемпион. Россию девяностых и нулевых будут изучать по рассказам и повестям Сенчина, как мы изучаем Францию XIX века по романам Оноре де Бальзака и Эмиля Золя.

КАКИЕ КНИГИ ТЫ ЛЮБИЛ В ДЕТСТВЕ?

Честно говоря, в детстве и отрочестве читать не любил. Особенно художественную литературу. Придуманные истории, выдуманные герои мне были противны. Лет в двенадцать стал читать исторические труды, но вскоре они надоели — хотелось, чтобы во главе повествования были люди, а не события. Люди же в истории как правило появляются и тут же исчезают, появляются новые и тоже исчезают, устаиваясь в хрониках, в лучшем случае, нескольких строк... Но в итоге беллетристика победила. Любил читать Стивенсона, Жюль Верна, Беляева, Уэллса. Лет в четырнадцать настал черед серьезной литературы — Есенин, Распутин, Шукшин...

КОГДА ТЕБЕ В ГОЛОВУ ПРИШЛА ТАКАЯ СТРАННАЯ ИДЕЯ – СТАТЬ ПИСАТЕЛЕМ?

Идея стать писателем не приходила. Просто с раннего возраста я стал пытаться что-то фиксировать на бумаге — фантазии, наблюдения и тому подобное. Писателем себя почувствовал после армии и серьезных перемен в жизни — года в двадцать два. Тогда и появились рассказы, которые мне показались небезынтересными для других людей.

фото:
© Сергей Беляков

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ, СОАВТОР БЕССМЕРТНЫХ
«ДВЕНАДЦАТИ СТУЛЬЕВ» И «ЗОЛОТОГО ТЕЛЁНКА»,
ПРИЗНАВАЛСЯ, ЧТО ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ ЕГО МУЧАЕТ
КОШМАР: КТО-НИБУДЬ ВСТАНЕТ И СКАЖЕТ: «НУ КАКОЙ
ВЫ К ЧЕРТУ ПИСАТЕЛЬ, ПЕТРОВ?!» БЫВАЕТ У ТЕБЯ
ТАКОЕ ЧУВСТВО?

Нет, мнение других людей меня мало волнует. Мои вещи нередко называют не-литературой, меня — не-писателем. Страшновато, что я сам как-то внутренне изменяюсь и не смогу больше писать, как мне кажется правильным, или стану писать не так, как хочу... Я, в общем-то, никому не навязываюсь, не дорожу статусом писателя, поэтому и не боюсь, что мне могут сказать: ну какой вы к черту писатель. Да и говорят, особенно в Интернете.

В ОДНОЙ СТАТЬЕ ТЫ НАЗВАЛ ЛЮДЕЙ УМСТВЕННОГО
ТРУДА «ПАРАЗИТАМИ». РЕДКАЯ ДЛЯ ИНТЕЛЛИГЕНТА
НАШЕГО ВРЕМЕНИ ПОЗИЦИЯ. ЭТО ТВОЁ УБЕЖДЕНИЕ?

По-моему, я назвал так не всех людей умственного труда, а представителей так называемых «творческих профессий», в частности писателей. Они действительно паразиты — питаются реальной жизнью, выдавая, как правило, нечто странное: ни приятно провести время с их книгами, ни чему-либо научиться, ни зажечься... Хотя в этом определении есть доля провокации — творческих людей нужно раздражать, злить. Это помогает создавать что-то значительное. Интеллектом же себя не считаю. Интеллектуал должен быть крепким и чистым, а я о себе так сказать не могу.

Постепенно фосо, обострялось раздражение. Раздражала съездившаяся от вещей и выросших сыновей, располневшей жены квартира; раздражало гудение газовой колонки, которой когда-то, после житья в бараке, так радовались; раздражала служба, однообразная, оупляющая, несмотря на все усилия, не приносящая нормальных денег; раздражали дорогие машины на улицах, нарядные витрины, пестрые людские ручки на тротуарах. И самое обыденное раздражало – каждый вечер, раздевшись, ложиться в кровать, зная, что уснет несоро, еда раздражала, вся кака-то безвкусная, пресная, но которую необходимо запихивать в рот, разжевывать попорченными зубами, глотать; шнурки раздражали, выщербленная бетонная лестница в подезде... «Вот так все это и будет, – долбилось в мозгу чугунной гирькой, – так и будет». И иногда вдруг прокалывала боязливая, почти старческая мысль: «Лишь бы не хуже».

(«Елтышевы»)

ЧЬЕ МНЕНИЕ ДЛЯ ТЕБЯ ВАЖНЕЕ:
КРИТИКОВ, КОЛЛЕГ-ПИСАТЕЛЕЙ, РОДНЫХ?

Мнение родных, наверное, не всегда объективно, зато, наверное, оно очень важно. Приятно, когда писатели говорят: «Сильная вещь». Но все-таки важнее всего мнение критиков. Даже не мнение, а трактовка, замечания, те мысли, какие возникли у них в связи с

прочтением моего текста. Настоящие критики, на мой взгляд, не просто оценивают произведение, советуют или не советуют его читать, а размышляют о нем, пытаются понять, зачем оно написано. В этом плане критику читаю с большим вниманием.

В ЧИСЛЕ ТВОИХ ЛЮБИМЫХ АВТОРОВ ЛЕОНИД АНДРЕЕВ.
ПОЧЕМУ ЖЕ РОМАН СЕНЧИН, ЛЮБИТЕЛЬ ТОЧНОСТИ,
«ФАКТУРЫ» ВЫСОКО ЦЕНИТ ПРОЗУ АНДРЕЕВА.
ВЕДЬ АНДРЕЕВ КАК РАЗ ЛЮБИЛ АБСТРАКТНЫЕ СХЕМЫ,
СИМВОЛЫ?

Не согласен. Андреев писал в двух плоскостях. У него есть абсолютно реалистические вещи и есть символические. В некоторых эти две плоскости соединяются. Например, в «Красном смехе». Я больше люблю произведения Леонида Андреева периода реализма. Рассказы и повести «Большой шлем», «В тумане», «Бездна», «Тьма», «В подвале», «Книга», «Губернатор»... Есть и потрясающие пьесы — «Екатерина Ивановна», «Анфиса». Они, как мне кажется, очень точно показывают состояние общества перед великим переворотом 1917 года.

Сидели за большим дощатым столом на кухне, ждали Юрку. Жена разогрела на плитке приготовленную утром в квартире тушеную картошку с мясом. Тетка Татьяна покачивалась на табуретке, что-то тихо-тихо наборматывала, словно фугалась на себя, что пустила чужих и теперь приходится так ютиться, в уголке.

Пахло сопревшей пылью, старостью, лекарствами. Бугристая штукатурка на стенах, казалось, вот-вот начнет отваливаться кусками, потолочная балка не выдержит и переломится и весь дом превратится в горку сухой извести, истлевшей пакли, черных, будто обгоревших, бревешек. И Николая Михайловича до зуда в скулах потянуло вскочить, выбежать прочь, спрятаться в безопасности и в то же время хотелось засучить рукава, начать строить новый, просторный дом с отдельной для себя комнатой на втором этаже. Для отдыха...

(«Елтышевы»)

ТЫ УЧИЛСЯ В ЛЕГЕНДАРНОМ ЛИТИНСТИТУТЕ.
КТО БЫЛ ЛУЧШИМ СТУДЕНТОМ НА ТВОЕМ КУРСЕ,
КТО БЫЛ ЛИДЕРОМ? КАК СЛОЖИЛАСЬ СУДЬБА
ОДНОКУРСНИКОВ. КТО ИЗ НИХ СТАЛ ПИСАТЕЛЕМ?

Лидеров особых не было. Литературой, честно говоря, почти никто не горел, даже поэты. Те, кто лучше всего учился, писателями не стали, или, вернее, хочу надеяться, что пока не раскрылись. Им было очень важно сдать экзамены на пятерки, записать лекции, вовремя принести рефераты... Я учился неважно, сидел на задних партах и дремал... Сейчас, спустя почти десять лет после окончания Литинститута, встречаю в печати тексты пяти-семи своих однокурсников, да и то, к сожалению, редко. Из прозаиков могу назвать Валентину Юрченко, Кирилла Волкодаева, выпустившего под

псевдонимом «Кирилл Туровский» два злых и энергичных романа, Наталию Клевалину. Вот, вроде, и все.

БЫЛИ У ТЕБЯ ЛЮБИМЫЕ ПРЕПОДАВАТЕЛИ?

Нашим семинаром руководил Александр Евсеевич Рекемчук — известный советский писатель. Он мне помог и просто доучиться в институте, и советами, настроем, что литература, писательство, это важные вещи. Вообще в Литинституте много интересных преподавателей, для которых главным является донести до студентов не собственно знания, а увлечь их литературой, какими-то идеями. В последние годы, правда, на мой взгляд (да и по оценкам нынешних студентов) институт все сильнее скатывается к обычному филологическому вузу.

ТЫ ПРЕПОДАВАЛ В ЛИТИНСТИТУТЕ. КАКОЙ КУРС ТЫ ЧИТАЛ? КАКИЕ СЕМИНАРЫ ВЁЛ? ЧЕМУ ПЫТАЛСЯ НАУЧИТЬ СТУДЕНТОВ?

Я помогал вести семинар Александру Евсеевичу. Читал рукописи студентов, принимал участие в обсуждениях... Это был короткий, полезный момент для меня, и этот опыт мне сейчас помогает.

Событием для родителей стала покупка щенка лайки у школьного учителя труда. Купили за символические двадцать рублей, специально сучку, на развод, назвали, не выбирая долго, Дингой. Несмотря на щенячьи два месяца, оказалась она уже всерьез злобной, знала свою обязанность охранять территорию внутри ограды, умела отличать своих от чужих. Артема она встречала ворчанием, переходящим в тонкий, но сердитый лай, пыталась схватить за ногу.

— Молодец, Динушка, — хвалил отец и трепал ее за складчатый загривок, — хорошая хозяйка растет.

Понимая, что это глупо, Артем все-таки обижался — «Нашли замену. Теперь и домой не прийти. И там лают, и здесь...» И, вроде бы играя с лайкой, он расправлял ее, чувствительно шлепал по морде, тыкал в бок, подсекал носком ботинка лапы. Динга взвизгивала, отскакивала, но тут же старалась отомстить, с неумелым рычанием бросаясь вперед.

(«Елтышевы»)

ТЫ КОГДА-ТО РАБОТАЛ В ТЕАТРЕ. СЕЙЧАС ХОТЕЛ БЫ НАПИСАТЬ ПЬЕСУ?

В театре я работал вахтером, монтировщиком. Случалось выходить на сцену, но актерством это сложно назвать. Пьес я написал много, штук десять, но почти никому их не показывал. Пьесы помогают писать диалоги, держать действие прозы в определенном пространстве... Когда-то я написал инсценировку романа Гамсуна «Голод», пытался пробить ее и в Минусинске, где тогда жил, и в Москве. Не получилось. Пьесы у меня напечатаны на машинке, иногда возникает желание набрать их на компьютере, доработать, но тут же остываю. Вообще к театру я как-то охладел.

ТЫ СЕЙЧАС ХОДИШЬ В ТЕАТР?

Редко. Московские театральные традиции мне не нравятся — надрыв, гротеск, нечеловеческая динамика. Этим все сильнее пропитываются и те театры, которые когда-то мне были очень близки по духу.

ТВОЙ РАССКАЗ «ПОПУТЧИК» — РИМЕЙК ЧЕХОВСКОГО «ПЕРЕСОЛИЛ». КАК ТЫ ВООБЩЕ ОТНОСИШЬСЯ К РИМЕЙКАМ?

Римейк получился случайно. Я рассказ Чехова «Пересолил» тогда не читал, а случай, ставший сюжетом моего «Попутчика», произошел на самом деле. И таких случаев случается, кстати, немало. Люди видят друг в друге врагов, и часто нападают, так сказать, превентивно, бывает, и ошибочно... К римейкам я отношусь плохо, но когда какие-то параллели в литературе, живописи, кинематографе случаются, и видно, что это сделано не нарочно, радуюсь. Много в мире и жизни людей повторяется, и повторы в искусстве не могут не случаться.

ЕСТЬ ЛИ ПИСАТЕЛЬ, КОТОРОГО ТЫ ОТКРЫЛ ДЛЯ СЕБЯ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДВА-ТРИ ГОДА?

Точные временные рамки назвать не могу, но в последние годы открыл для себя Антона Тихолоза, Василия Авченко, Валерия Айрапетяна, Егора Молданова, Алексея Полуботы... Но имена именами, главное, что все больше той прозы, стихов, которые мне кажутся сильными. Случается, где-то прочитаешь отличный рассказ, имя автора не запомнишь, а через год-два встречаешь новые рассказы, и вспоминаешь, что уже читал этого автора. Иногда стараюсь помочь новым писателям.

ТЫ КАК-ТО СКАЗАЛ, ЧТО «ЛЁД ПОД НОГАМИ» ДЛЯ ТЕБЯ ВАЖНЕЕ «ЕЛТЫШЕВЫХ», ТВОЕГО САМОГО ИЗВЕСТНОГО РОМАНА. ТАК ЛИ ЭТО? ЕСЛИ ТАК, ТО ПОЧЕМУ?

Автору сложно оценивать свои вещи. Мне кажется, в романе «Лёд под ногами» я точнее показал современную жизнь, трагедию пытавшегося встроиться в мир современной России человека, некие политические и псевдо-политические процессы... Сложно объяснять, о чем пишешь, что хотел сказать. Но успех «Елтышевых» объясняю тем, что там поднимается тема, которая традиционно близка читателям — деревня, судьба людей, живущих на земле. Герои «Елтышевых» не крестьяне, но из тех, кто в последние двадцать лет, в силу разных причин, вернулся к крестьянской жизни. Таких немало, и их судьбы драматичны. Может, поэтому «Елтышевы» получили довольно сильные отклики. Но, повторяю, о достоинствах и недостатках моих текстов не мне судить.

Сергей Беляков

НАШ ГЕГЕМОН, ИЛИ О ЧИТАТЕЛЯХ БЕЛИНКИ

Наверно, если бы я рассказывала о зиме жителю какой-нибудь теплой страны, я вспоминала бы о ней с нежностью, с любовью к её колкой красоте. Пощипывание носа от холодного воздуха, иней на ресницах, пар от люков и автомобилей на дорогах, пристукивание ботинками на остановках, дыхание на блестящие, покрытые узорами окна в автобусе (чтобы разглядеть, какая же сейчас будет остановка), густые ранние сумерки и свет желтых фонарей, из которого валит самый пушистый и тихий снег, ... — все это раскрывалось бы как невозможно дорогое и близкое, каждая мелочь, каждая деталь — даже то (а может быть и особенно то), что сейчас заставляет поешиваться, и лишний раз не выходить на улицу.

Думаю, то же и с читателями. Когда-нибудь я буду вспоминать о них с улыбкой. О самых вредных, карикатурных, беспричинно фыркающих и ругающихся... Но — с особенным удовольствием — о забавных случаях, о трогательных моментах, о замечательных встречах.

САМЫЕ НЕОБЫЧНЫЕ ВОПРОСЫ

Известный всей Белинке читатель Василий Шимов (по виду — человек без определенного места жительства, интерес которого к мусорным бакам был отмечен нашими сотрудниками и посетителями не раз; сумасшедший, но, в некотором смысле, — экстравагантный сумасшедший) решил однажды в холле затеять со мной светскую беседу. Он поинтересовался: «А Вы в Оксфорд поступать не собираетесь? — Научитесь быстро и вкусно готовить».

Одна милая молодая читательница, уходя спросила: «А где здесь поблизости можно купить краску для волос?». Я удивилась дважды: тому, что блондинка обращается с таким вопросом ко мне — очевидно натуральной брюнетке, и тому, что я действительно легко отвечаю на эту «адресную справку», предлагая несколько возможных вариантов...

САМЫЙ ВОЗДУШНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

Несколько лет назад к нам в Интернет-центр пришел высокий спокойный мужчина. Он попросил показать ему интерес-

ные электронные библиотеки, откуда можно было бы сохранить книги для чтения на КПК (карманный персональный компьютер — прим. ред.). И пояснил: «Я — пилот, завтра в Африку вылетаю. Несколько дней буду там ждать следующего рейса... Не хотелось бы скучать».

ЛУЧШИЙ ПОДАРОК

Однажды под Новый год я принесла из леса на работу несколько еловых и сосновых веток, поставила их в вазу, украсив бантиками и маленькими шариками...

На следующий день одна постоянная читательница принесла милую сине-серебряную мишуру: «А это — для вашей ёлочки!», — сказала она.

ЧИТАТЕЛИ, СТАВШИЕ ДРУЗЬЯМИ

Одно время к нам постоянно ходил читатель, с которым мне очень хотелось поговорить. Целый год хотела, но не решалась: о чем, зачем?...

А потом вернулась из похода по Алтаю — и мы разговорились, действительно, как будто были давно знакомы.. Человек этот — Костя Ермилов — оказался буддистом, туристом и фотографом. Он показал мне свои фотографии из экспедиций по Гималаям и Тибету, от которых просто дух захватывало, столько в них было свежести и света.

Потом, уже вместе с моими друзьями, и с подругой Кости — Оксаной Валиулиной, обладательницей удивительно красивого голоса,

Бывает и такое:

Кремлева Т. «MTV-Вторжение» : беспредел заказывали? // Телесемь. — 2004. — 26 апр. — 2 мая. — С. 4.

О том, как прошла акция «MTV-Вторжение» в библиотеку и какой скандал все это вызвало.

С чего, собственно говоря, и началась эта статья. Подробнее см. <http://book.uraic.ru/blog/?p=3174#more-3174>, особенно комментарии.

...Похоже, теме читателей - сегодня всё внимание.

И вот еще один типаж, на этот раз молодой, розовощекий и очень деловитый. Подходит ко мне с листочком: У меня к вам просьба небольшая, проверьте пожалуйста на грамотность. За презент или шоколадку. А может быть, будем сотрудничать? Я вам тексты – вы мне правку...

Смотрю на текст. Случай необыкновенный. Берусь исправлять. Возможно, это чрезвычайно нехорошо, но не могу удержаться, чтобы не привести его здесь дословно. Да, в надежде на сотрудничество, читатель энергично добавил: «А ведь я еще стихи пишу! И романы!»

характеристика

дана NNN

в том что он принимал активное участие в продаже

Продукции магазина супер маркета NNN.

На нескольких рекламных акциях максим не пропу

стил ни одного дня приходил во время и работал до

Позднего вечера. Во время работы максим предложил

Новые идеи не споря с менеджером всегда знал точно

Где нужно было проводить рекламу и когда нужно ме

нять место роздачи флаеров. Не отлучался на переку

ры и всегда был трезв. Был очень энергичен и раздвая

Большому количеству прохожих каждому успевал расс

казать информацию об магазине придумывая постоянно

Новые слоганы мог с двух слов заинтересовать покупа

теля. После его работы была большая посещаемость

Магазина был небольшой ожеаташ.

(...от вознаграждения я скромно отказалась)

знающей песни Якутии и Забайкалья, — мы не раз гуляли по окрестностям, посещая горы и скалы, были в гостях у замечательного уральского краеведа и минеролога Олега Юрьевича Щетинина, отмечали в лесу масленицу, с блинами, приготовленными на костре под необыкновенное пение Оксаны...

А ЕЩЕ КАК-ТО РАЗ...

— Здравствуйте! Помогите пожалуйста! Мне нужна карта Англии!
— подмигнул прибежавший читатель. Высокий, взъерошенный, с живыми пронизательными глазами.

— Легко! — говорю я, и не удерживаюсь, чтобы не поинтересоваться:
— А зачем Вам карта Англии?

— А я книжку иллюстрирую, про английский юмор. Вот на форзац и нужна карта Англии... Хотите, я Вам иллюстрации покажу?..

Читатель оказался художником, книжным графиком, преподавателем Архитектурной академии. Зовут его Игорь Игнатьев, и он невозможно чудесный человек. Несколько раз он устраивал для меня и других своих знакомых ребят мастер-классы по графике, наполненные не только полезной информацией о рисунке, но и юмором, всевозможными веселыми и мудрыми историями, музыкой, и каким-то особенным тонким настроением, уловив которое, кажется, что всё возможно ...

Ксения Воданос

Читатель Белинки – замечательная категория граждан обоего пола, всех возрастов, национальностей, профессий, религиозных конфессий, с которыми очень приятно иметь дело, потому что они терпеливы и понятливы:

Читатель: У вас есть собрание сочинений Маркса?

Библиотекарь указывает ему на стеллаж открытого доступа. Через 5 минут читатель возвращается: А Энгельса? ...

Читатель: Девушка, я из другого зала, но обслужите меня, пожалуйста...

Библиотекарь: Почему?

Читатель: У вас стулья удобнее. А в том зале они в спину впиваются...

Читательнице пришел отказ на книгу – «выдана по МБА».

Она спрашивает: Что это значит?

Библиотекарь: Книга выдана по запросу в другую библиотеку.

Читательница: А далеко до нее?

Библиотекарь: Эта книга выдана.

Читатель: Как выдана, я только что пришел?

Читатель никак не может найти контрольный листок. Библиотекарь, устав ждать, спрашивает: «Ваша фамилия?»

Читатель быстро: «5119».

(«Легенды и мифы Белинки». 1996)

ГЕРОИ И НЕГОДЯИ УРАЛЬСКОГО ЗАВОДА

С 16 февраля по 17 марта в Белинке была представлена вторая выставка о стенгазете (Первая «РУЧНЫЕ СМЫ. Стенгазеты 1940–1980-х. Рукописные журналы Дениса Большакова» состоялась 12 января – 14 февраля) – избранные листы сатирической витрины Уралмашзавода конца 1950–1960-х годов «Под башмак экскаватора». Красочные рисунки с рифмованными подписями комментировали жизнь завода: на проходной завода каждый мог узнать о пороках конкретных работников, о сбоях в отдельных производственных процессах и достижениях заводчан.

В былые времена на Уралмашзаводе работало около 60 тысяч человек. Соцгород Уралмаш жил своей своеобразной жизнью. Рассказываемая выставкой история разыгрывалась на рубеже 1950–1960-х годов, когда на Уралмаше разрабатывались и выпускались новые шагающие экскаваторы, а вокруг Земли стали летать первые космические спутники. Люди того времени — почти как мы, со всеми нашими пороками, слабостями и достоинствами; но говорят они на ином языке. Этот язык, в котором значимы слова семилетка, рационализаторское предложение, 103 % нормы, ударный труд в честь XXII съезда партии, предполагал иной, чем сегодня, порядок. При нем общее дело ценилось больше личной корысти. Границы между личными и публичным пространствами размывались. Оказываясь на виду перед всем коллективом, каждый мог получить свои минуты славы как ударник и минуты позора — как бракодел, пьяница, бездельник и т. п. Одним из инструментов общественного контроля были в ту эпоху стенные газеты и сатирические листки.

«Боевое снаряжение уралмашевской сатиры разнообразно: острые карикатуры в печати, “молнии”, злободневные стенды “Под башмак экскаватора”, “Не зевай на вахте”, комсомольская световая газета», — писала заводская многотиражка «За тяжелое машиностроение» в 1959 году.

Сатирическая газета «Под башмак экскаватора»: фотография // Неизвестный Уралмаш, 1933-2003: История и судьбы / сост. С. Агеев, Ю. Брилль. – Екатеринбург: Уральское литературное агентство, 2003. – С. 420.

Сатирическая витрина Уралмашзавода «Под башмак экскаватора» располагалась около Дома техникумы на бульваре Культуры и была популярна. Как вспоминают жители Уралмаша, в то время сатира была действенна: «вызывала стыд и пробуждала совесть». Какие приемы использовались для борьбы с нерадивыми гражданами, что значило быть героем в те времена, о жизни советского завода и визуальном языке заводской агитпродукции расскажет новая выставка, продолжающая знакомство с историей стенгазеты.

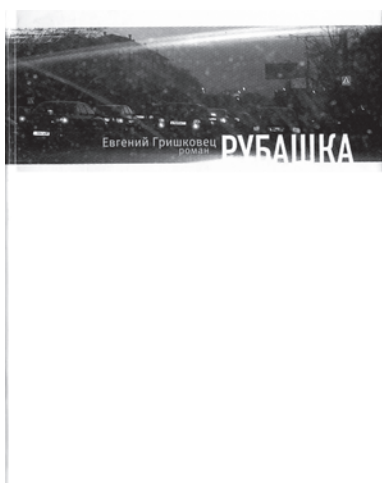
По материалам сайта <http://book.uraic.ru/galereja/vystavki2010/geroi&negodyai>

ВРЕМЯ ПИТЬ КОКТЕЙЛИ

ПИТЬ КОКТЕЙЛИ ТАК МОДНО И СТИЛЬНО!

Читая книги и рассказывая о них, мы упускаем много интересных деталей. Потом тщетно пытаемся вспомнить, где об этом читали? Мы представляем коллекцию интересных (и полезных) деталей, встречающихся в книгах: игры, песни, рецепты блюд, советы ... Наверняка кому-нибудь приходила в голову мысль приготовить блюдо по рецепту, приведённому в книге. Попробовать напиток, описанный в книге. Найти «тот» дом, парк, улицу, запечатлённые на книжных страницах. Подобрать материал на платье, по цвету совпадающий с платьем главной героини, примерить «её» украшения. Внести в свой дом что-нибудь из «того» интерьера... Словом, извлечь материальную пользу из прочитанного.

Гришковец Е.
Рубашка : роман /
Евгений Гришковец. —
М. : Время, 2004. — 288 с.

«— Саня, закажи что-нибудь модное!

— Сначала крепкое, а потом модное, хорошо?

Отлично! — Макс потирал руками колени и смотрел по сторонам блестящим взглядом.

Мы моментально выпили по пятьдесят текилы, и я ещё заказал два больших мохито.

— А что это, мохито? — поинтересовался Макс. — Это модно?

— Модно. И давно. Тебе понравится, — успокоил я его*.

* Название коктейля Мохито (mojito (исп.) — комар). Тип коктейля: Аперитив, long drink. Рецепт коктейля: 50 г кубинского рома, 1 барная ложка сахара, 1 веточка мяты, 20 мл сока сладкого лайма и кожуры.

В стакане для лонгдринка раздавить веточку мяты с сахаром. Руками выжать в стакан сладкий лайм, кожуру положить в стакан. Наполнить стакан толченым льдом, влить в ром и перемешивать, пока стакан не запотеет. Долить содовой воды, украсить мятой и подать к столу с соломинкой.

Существует миф, который вполне может быть правдой, что мохито был любимым напитком Хэмингуэя. — Примеч. автора».

У Гришковца рецепт коктейля в целом правилен, но как-то скучен, нет в нем и капли авторской фантазии, душевного порыва, настроения. Нет творчества!

В этом смысле читать описания коктейлей Венички Ерофеева куда как интереснее:

«Нет, если я сегодня доберусь до Петушков — невредимый — я создам коктейль, который можно было бы без стыда пить в присутствии Бога и людей. В присутствии людей и во имя Бога.

Я назову его “Иорданские струи” или “Звезда Вифлеема”. Если в Петушках я об этом забуду — напомните мне, пожалуйста.

Не смейтесь. У меня богатый опыт в создании коктейлей. По всей земле, от Москвы до Петушков, пьют эти коктейли до сих пор, не зная имени автора: пьют “Ханаанский бальзам”, пьют “Слезу комсомолки”, и правильно делают, что пьют. Мы не можем ждать милостей от природы. А чтобы взять их у неё, надо, разумеется, знать их точные рецепты; я, если вы хотите, дам вам эти рецепты. Слушайте.

Пить просто водку, даже из горлышка — в этом нет ничего, кроме томления духа и суеты. Смешать водку с одеколоном — в этом есть известный каприз, но нет никакого пафоса. А вот выпить стакан “Ханаанского бальзама” — в этом есть и каприз, и идея, и пафос, и сверх того ещё метафизический намёк.

Какой компонент “Ханаанского бальзама” мы ценим превыше всего? Ну, конечно, денатурат. Но ведь денатурат, будучи только объектом вдохновения, сам этого вдохновения начисто лишен. Что же, в таком случае, мы ценим в денатурате превыше всего? Ну, конечно, голое вкусовое ощущение. А ещё превыше? А ещё превыше тот миазм, который он источает. Чтобы этот миазм отпугнуть, нужна хоть крупица благоухания. По этой причине в денатурат вливают в пропорции 1:2:1 бархатное пиво, лучшие всего останкинское или сенатор, и очищенную политуру.

Не буду вам напоминать, как очищается политура, это каждый младенец знает. Почему-то никто в России не знает, отчего умер Пушкин, — а как очищается политура — это каждый знает.

Короче, записывайте рецепт “Ханаанского бальзама”.

Жизнь даётся человеку один только раз, и прожить её надо так, чтобы не ошибиться в рецептах:

Денатурат — 100 г.

Бархатное пиво — 200 г.

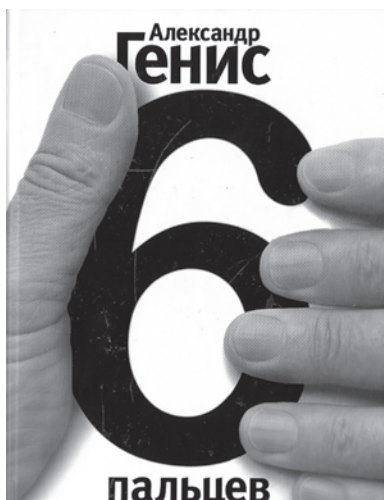
Политура очищенная — 100 г.

Итак, перед вами «Ханаанский бальзам» (его в просторечье называют “чернобуркой”) — жидкость в самом деле чёрно-бурого цвета, с умеренной крепостью и стойким ароматом. Это уже даже не аромат, а гимн. Гимн демократической молодёжи. Именно так, потому что в выпившем этот коктейль вызревают вульгарность и тёмные силы. Я сколько раз наблюдал».

Если вы читали «Москву-Петушки», вы, конечно же, вспомните и «Дух Женевы», и «Слезу комсомолки», и «Сучий потрох» и многое другое. А если вы не читали — прочтите. И вам откроются бездны — не только коктейльных рецептов, но и бездны жизни.

Ерофеев В. Москва-Петушки и пр. : поэма / Венедикт Ерофеев. — М. : Прометей, 1990. — 128 с.

Генис А. Шесть пальцев / Александр Генис. — М. : КоЛибри, 2009. — 640 с.

Филиппо Пол Ди. Галстук
в цветочек : рассказ //
Лучшее юмористическое
фэнтези : антология /
пер. с англ. Н. Алешиной,
Д. Бабейкиной, С. Беловой и
др. — СПб. : Азбука-классика,
2007. — С. 336–377.

Прижился и стал классическим на Руси коктейль «Кровавая Мэри»: водка плюс томатный сок. Правда, это его усеченный вариант. Или, если хотите, основа. В полном варианте в состав коктейля входит лимонный сок, соус Табаско, Уорчестерский соус, соль, перец и стебель сельдерея. А еще это коктейль с историей, назван в честь Марии Стюарт, королевы Шотландской:

«— *Bloody Mary*, — громко объявил я бармену и тут же обмер, вспомнив, откуда взялось название коктейля.

— *Так ей и надо*, — заголосили добрые хозяева, стараясь скрыть мой промах.

«Шотландцы все-таки скоты», — некстати вылезла цитата из Бродского, но на этот раз я прикусил язык».

Женщина, хотя и не такая знаменитая, дала свое имя коктейлю Маргарита. Своеобразен вкус этого коктейля и способ его употребления:

«Барменша подошла к ней, чтобы взять заказ.

— *Что там у тебя, Каталина?*

— *Ещё раз «лизни-хлопни-пососи», Трейс. Ларри с приятелями из города вон там, в углу.*

— *Четыре “Маргариты”!*»

«Лизни-хлопни-пососи» — распространённый способ употребления текилы: «соль-текила-лимон».

«Маргарита» — коктейль, приготовленный главным образом из текилы с добавлением сока лимона или лайма; по традиции подаётся в бокале с ободком из соли.

Вот рецепт еще одного коктейля, названного по имени женщины. Вернее, это не совсем имя, а скорее, творческий псевдоним — Вечерняя Звезда:

В первой книге о Джеймсе Бонде, «Казино Рояль», Бонд рассказывает бармену о приготовлении своего любимого напитка. По мнению Бонда, напиток должен наливаться в высокий бокал для шампанского и состоять из «. . . *трех частей джина “Гордон”, одной части водки и полпорции “Кине Лилле”*. Как следует взболтайте, пока не растворится лед, затем добавьте большую тонкую дольку лимона. Все понятно?»

Напиток «Кина Лилле» — это разновидность вермута. Большинство коктейлей мартини делаются из джина, а водочные мартини только из водки, однако Бонд смешивает их в одном напитке. Полученный коктейль он называет «The Vesper» («Вечерняя звезда»), по имени девушки — двойного агента.

Cocktail — «петушинный хвост», пестрый, яркий, радующий глаз:

«Сегодня у меня превосходное настроение. Я приглашен на вечер к мистеру Миллеру. Даже если кто-нибудь остановит меня, достаточно будет назвать его имя, номер телефона и дома. Мистер Миллер — приятный человек. Он заскочил ко мне на службу и сказал, что хотел бы пригласить меня на “цзюхуэй цзибей”. Я понимаю, что “цзю-хуэй” — это выпивка, а вот что означает “цзибей” (петушинный хвост) мне невдомек. Лишь изображение петуха и слово “коктейль” на приглательном билете разъяснили мне суть дела. Конечно, это дословный перевод, и все же забавно, что американец мистер Миллер научил меня этому китайскому слову».

В романе Кэрл Хиггинс Кларк «Опалённые», действие которого разворачивается на Гавайях, герои то и дело пьют какой-нибудь коктейль, это и понятно — солнце, море, пляж. Что совсем не мешает им заниматься любимым делом — расследованием:

«Риган будто во сне, подошла к двери и открыла её. Выйдя на балкон, она перегнулась через перила и зачарованно уставилась на бирюзовую гладь. Её кожу гладил мягкий тропический бриз, солнце медленно клонилось к западу, и небо окрасилось в бледно-розовый цвет. Всё вокруг так и дышало спокойствием. Люди бродили по пляжу, листья пальм трепетали по ветру прямо под балконом. Слава богу, репортёры, весь день крутившиеся на пляже и снимавшие сюжеты о Доринде Дос, уже уехали.

Кит подошла и встала рядом с ней.

— Самое время для пинаколады.

Риган улыбнулась:

— Думаю, да».

Пинаколада — традиционный коктейль, приготовленный из рома, кокосового молока и ананасового сока.

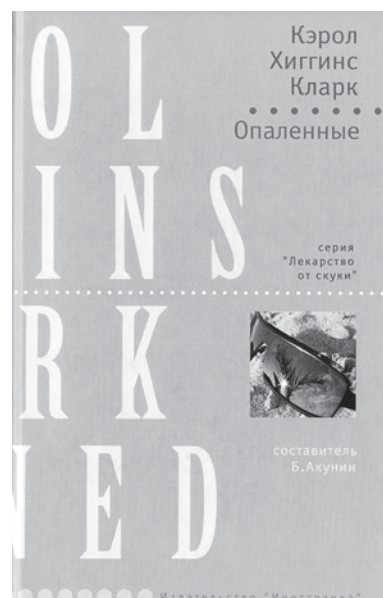
«Герт, облачённая в своё любимое гавайское платье-балахон, с бокалом “май-тай” в руке, украшенным неизменным бумажным зонтиком, торжественно провозгласила:

— Первый тост за нашего усопшего благодетеля, Сола Хокинса.

— За Сола, — хором откликнулись все».

«Май-тай» — традиционный полинезийский коктейль, приготовленный из рома, ликёра кюрасо, оршада, гранатового сиропа и ананасового сока.

Осиро Т. Приглашение на коктейль : рассказ / Тацухиро Осиро ; пер. с яп. Л. Левина // Японская новелла 1960—1970. — М. : Прогресс, 1972. — С. 265–277.

Кларк К. Х. Опалённые : роман / Кэрл Хиггинс Кларк ; пер. с англ. А. Аподакос. — М. : Иностранка, 2008. — 400 с. — (Серия «Лекарство от скуки»)

Кэрл Хиггинс Кларк, дочь несравненной «королевы ужаса» Мэри Хиггинс Кларк, часто называют «принцессой эксцентрики». Как заметил один критик: «Мэри играет на читательских нервах, а Кэрл — на чувстве юмора. В серии «Лекарство от скуки» вышли уже три бестселлера Кэрл Хиггинс Кларк: «Опаленные», «Неразлучные» и «Замороженные».

Уикем М. Коктейль на троих :
пер. с англ. / Маделин Уикем. —
М. : Эксмо-Пресс, 2002. — 384 с..

А какие интересные коктейли пьют в коктейль-баре героини романа Маделин Уикем: «Мексиканский свинг», «Падающая звезда» (!), «Летний вечер», «Городская легенда». И как это все красиво и аппетитно выглядит:

«Один (бокал) был совсем низкий, с сахарной обсыпкой вдоль края; другой — высокий, украшенный ломтиком лайма. Третий представлял собой обычный узкий бокал для шампанского; он был украшен клубничной».

Подводя черту, скажем: суть коктейлей в том, чтобы спиртного было мало, а всего остального много. Тогда будет действительно не только вкусно, но и полезно.

Кинселла С. Шопоголик и
брачные узы : пер. с англ. /
Софи Кинселла. — М. : Фантом
Пресс, Эксмо 2005. — 480 с.

А еще хорошо позвать друзей на вечеринку с коктейлями и придумать что-нибудь оригинальное, например, как коктейль «Блумвуд», который изобрела героиня романа «Шопоголик и брачные узы» — *«из водки, апельсинового сока и горошин М&М, которые надо вычерпывать ложечкой».*

Главное здесь — фантазия.

Ну а подходящее время для коктейля всегда найдется. В жару и в холод. В дождь и в снег. Днем и вечером. В праздники и в будни.

Янина Чиркова

Кстати Маделин Уикем (Уикхем) и Софи Кинселла — один и тот же человек. Вы знали? Если интересуетесь:

<http://www.sophiekinsella.co.uk/>

<http://phantastike.ru/kinsella/>

http://ru.wikipedia.org/wiki/Софи_Кинселла

ЧИТАТЬ И НЕ ЧИТАТЬ. ЧИТАТЬ ИЛИ НЕ ЧИТАТЬ

В конце 2009 года в редакцию «ББ» пришло письмо с вложенными статьями. Автор предлагал познакомиться с его творчеством и рассмотреть возможность сотрудничества.

Статьи мы прочитали и решили, что автор – наш.

Знакомьтесь, Андрей Петрович Кашкаров, ст. инспектор (СПР УИС ГУФСИН) службы психологической разгрузки уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции.

«Но лучше написать проще, а именно “психолог детского чтения”, поскольку в данном амплуа выглядит логичнее, чем в личине сотрудника правоохранительных органов. В принципе и то, и другое верно, поэтому оставляю на ваше усмотрение» (из переписки с А. Кашкаровым).

В мае-июне 2010 года в издательстве «Либерия» выйдет книга А. Кашкарова в соавторстве с З. Н. Овсянкиной «Детское чтение. Пособие для отцов».

Представляем интервью с нашим гостем и избранные фрагменты из его книги.

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ОТЛИЧИЯ
ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ ОТ ВЗРОСЛОГО?
ЕСЛИ ДА, ТО КАКИЕ.

Кроме тематической подборки литературы (ребенку мало интересны, к примеру, воспоминания Бориса Савинкова) есть отличие в методах. Взрослый самодостаточный человек не нуждается в особом внимании и контроле, как ребенок. Здесь нет мелочей. Культура речи у ребенка еще в латентном состоянии. Неспособность грамотно писать и говорить, излагать свои мысли, иметь достойный словарный запас (хотя бы на родном языке), незнание этикета ребенку простительно, поскольку всему этому можно научить, в том числе через книгу. В школе активно пишут сочинения, по прочитанным книгам, декламируют стихи, но и дошкольное воспитание упускать нельзя. Есть два важных отличия.

Первое: у ребенка должен быть старший товарищ, родитель, воспитатель, который сам почитает малышу, проведет беседу о книге, в том числе перед сном.

Второе: ребенок в силу возраста непоседлив, чтение (вслух и самостоятельное) нужно проводить дозированно, сменяя его играми и сном. Лучше читать небольшие тексты и отрывки, после их прочтения для закрепления результата обязательно обсудить с малышом сюжет книги и героев. Для более взрослого ребенка допустимо самостоятельное чтение, но с обсуждением последнего. Читать часто, но понемногу.

ПРАВА ЧИТАТЕЛЕЙ

Право читать

Право не читать

Право перескакивать

Право не дочитывать
до конца

Право перечитывать

Право читать,
что попало

Право читать,
где попало

Право втыкаться

Право читать вслух

Право молчать
о прочитанном

Д. Пеннак

**ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО «ВСЕ МЫ НЕМНОЖКО ДЕТИ».
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО ПОЗВОЛИТЕЛЬНО ДЕЛАТЬ
«ВЗРОСЛЫМ ДЕТЯМ», КАКИМИ БЫТЬ?**

Взрослым детям позволительно собираться на встречи высшего государственного уровня «без галстуков». Иногда это происходит.

Пока по годам взрослый индивидуум чувствует в себе некую искру, изюминку, позволяющую шутить и совершать непредсказуемые поступки — он молод. Представьте себе на полсекунды — как скучно было бы общаться с постоянно «собранным» и серьезным человеком. В лучшем случае с таким партнером вы быстро разучитесь быть естественной, «живой», в худшем — захотите сменить партнера или иметь «временную отдушину». И я вам скажу без обиняков — еще более скучно с таким дядей ребенку. Мужчины, почаще вставайте на место последнего, вспоминайте самого себя, это не страшно, за это даже не расстреливают... Это самый простой метод понять своего и даже чужого ребенка. Совершенно нормально в семейной обстановке покатай ребенка на спине, побороться, пусть редко, но прокатиться на его санках и залепить другому взрослому, к примеру, своей жене (а лучше суровому дяде) снежинкой по торсу. Есть и другая крайность, которая не освещена в поставленном вопросе, поэтому коснемся ее вскользь. Все хорошо в меру, и слишком «прикольный» взрослый не будет иметь не только авторитета в семье, но и в обществе. Для ребенка это сознание не переносимо.

Главное — естественность. Самое основное отличие взрослого от ребенка не возраст, а осознание ответственности.

**ДАНИЭЛЬ ПЕННАК СФОРМУЛИРОВАЛ ПРАВА
ЧИТАТЕЛЕЙ: СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ С НИМИ?
СОГЛАСНЫ ЛИ С ПРАВОМ ЧИТАТЕЛЯ НЕ ЧИТАТЬ?**

Я не против Пеннака, но, по-моему, эти права столь естественны, что не нуждаются в патентовании кем-либо. Это наше достояние как читателей. Имеем право на все перечисленное, и даже больше... Можем ограничивать человека в правах, но это ни к чему хорошему не приведет, и Пеннак не имел в виду ограничения...

Право читателя не читать... На мой взгляд, чтение в современном мире должно способствовать единению между людьми на духовной основе; воспитать потребность в чтении, в сопереживании, в участии и прощении, а значит и понимании прочитанного — вот основные позиции, какие я бы сформулировал для хартии читателя. Есть же у нас хартия переводчиков, пора подвести основу для хартии читателя.

Главное, на мой взгляд, осознанное читателем действие; если книга интересна и сведения познавательны, то он читает и перечитывает. Если нет — может перескочить или вообще прекратить чтение. Поэтому здесь проблема шире; она не столько в читателе, сколько в

книге. Читатель читает потому, что ему интересно, если, конечно, речь не об обязательной школьной программе, которая иногда выглядит как дамоклов меч.

Из-за разнообразия палитры интересов и предпочтений читателей мы имеем столько разной литературы. Не соглашусь с тем, что нас пичкают низкопробной литературой. Это слишком просто. Некоторые телепрограммы, художественная литература, к части которой приклеился ярлык «чтиво», пристрастие детей к «всемирной паутине», суть отражения современного состояния духовности населения. Эти зерна ложатся на хорошо сдобренную почву, и поэтому прорастают.

Ну, что ж, самое простое — запретить, не пущать? Ах, оставьте... Подобными мерами можно ненароком вырубить и разумное, доброе, вечное, того же Пеннака, к примеру, если бы он кому-нибудь не понравился. Другое дело, трудно стало найти книжку, которая подходит по интонации. Читая, ведь мы находим самоидентификацию с другим человеком, который думает также, далее запускается механизм общения через книгу с близким по духу, и второстепенно — на какую тему. Любой читатель ищет круг принадлежности, единомышленника, и этот поиск бесконечен.

ЧТО БЫ ВЫ НЕ СОВЕТОВАЛИ ДЕЛАТЬ РОДИТЕЛЯМ, ЕСЛИ ОНИ ХОТЯТ НАУЧИТЬ РЕБЕНКА ЧИТАТЬ?

Научить ребенка читать технически не сложно. Вопрос, вероятно в том, как научить применять пользу от прочитанного. А это не техника, и мы опять возвращаемся к духовности. Важно научить ребенка отличать зерна от плевел своим примером; стремиться к гармонии во всем, показать неподдельную важность того или иного действия. Да, мальчика нужно подготовить физически, но, записывая в футбольную секцию, не ослаблять «нагрузки» на домашнее чтение. Ребенок учится долго, но основное закладывается в возрасте до 6 лет. При этом формальный подход никого не обманет.

Сам по себе спокойный и счастливый сон ребенка является подарком. Вашим подарком.

Но подарок надо заслужить.

Под детскую сказку хорошо засыпают и взрослые, даже страдающие бессонницей. Этот метод неоднократно проверен на моей жене, когда я ей читал сказки несколько вечеров подряд.

Все мы немножко дети. Во взрослой жизни вполне допустимы детские увлечения, и ролевые игры, в частности учитель — ученик, библиотекарь — читатель, чтец-декламатор — внимательный слушатель, помогают «взрослому» общению. К сожалению, это «забытая» тема, но от этого не менее важная. Доскональное изучение которой, уверен, дало бы нашему миру множество открытий, как в области психологии чувств, так и в области здорового сна.

(«Детское чтение: пособие для отцов»)

Не читать ребенку, не размышлять вместе с ним о героях книги, не интересоваться впечатлениями о прочитанном, разговаривать сразу на несколько тем из-за «экономии времени», то есть быть неискренним — вот некоторые гарантированные средства для того, чтобы впоследствии недоумевать — почему же он не читает? Он понимает, что во взрослой жизни это не важно.

**ВАШЕ ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ? КТО ВАМ (С ВАМИ ЧИТАЛ?)
КАКИХ АВТОРОВ, КАКИЕ КНИГИ ВЫ ПОМНИТЕ?**

Мой отец, заслуженный, достойный человек, ветеран Великой Отечественной войны, трижды ранен и многократно награжден, почти всю жизнь после войны работал на одном месте — научным сотрудником НИИ гидротехники, имеет более сотни рацпредложений и 11 авторских свидетельств на изобретения. Всю жизнь живет с моей мамой одним браком. В 2009 году ему исполнилось 86 (я — поздний ребенок).

У нас только потому сохранились хорошие отношения, что вообще никаких отношений в этой части не было.

Я не помню, как лежал в детской кровати и даже не помню — как мне читал отец. Но знаю, что родители никогда не мешали мне читать и, увидев с книгой, начинали говорить шепотом, что меня больше забавляло, нежели расстраивало. Вообще читал я много; Стивенсон, Пиккуль, Дефо, и даже Ги де Мопассан с его «Милым другом» (что было предметом обсуждения с приятелями, которых тоже утормозило «это» прочесть) были моими любимыми авторами. Очень любил Чехова (и сейчас перечитываю), а вот Достоевский и Толстой в то время мне «не давались»; они пришли позже. Тогда были популярны книги взамен сданной макулатуры, и вся моя семья с удовольствием по возможности пополняла домашнюю библиотеку. То есть пример, конечно, был.

Но не все так просто... Я воспитывался лет до 14 в строгости, школьный дневник мой проверялся, а прочитанные рассказы и стихи мне приходилось декламировать (репетировать) перед мамой. Дома мне нужно было только, чтобы ко мне не приставали, и я уже бывал доволен, благо препятствий для прогулок с друзьями не ставили, если уроки сделаны. Я помню своего товарища Сопу (Женю Собченко), который получал 8 двоек в четверти и переводился на следующий год. Мой друг Андрей Бронзов (Бронзик) учился на три и четыре, и его папа был заседателем в суде; при первой возможности он читал нам обоим нотации. Мой товарищ Женя Шатный (Шата) сын успешных родителей (мы тогда сильно отставали по доходам, а их семья позже уехала в Штаты) учился музыке, играл на скрипке. Он ходил в музыкальную школу «из-под палки», отец, по рассказам Шаты, нередко применял ремень. Сопя, Бронзик и я очень дружили долгие годы, и не всегда были примерными мальчиками, такими, какими нас хотели бы видеть наши мамы и папы. Но жизнь с напряжением воли, подавление детской личности,

что мы натурально видели рядом с Женей, дала интересный эффект. Мы проникались уважением к своим родителям за то, что не были биты... Когда мне стукнуло 15, отец решился на очень серьезный разговор. Он испуганно смотрел на меня и долго, повторяясь, говорил о хорошей достойной профессии, о продвижении вперед на избранном поприще, о месте в жизни. Я слушал его с чувством умиления и скуки, и думал: как странно, что этот человек — мой отец, который некогда распоряжался моей жизнью, и когда же он закончит говорить? Естественно, что защитить меня от «острых углов» этого мира он не смог. Он не мог помочь мне потом в армейской казарме, где любой сержант был сильнее его. Мне пришлось самому все преодолевать, и было на тот момент безразлично, есть у меня отец или нет.

В серьезных беседах я отвечал, что скромный кусок хлеба как-нибудь заработаю, а для всего остального целая жизнь впереди.

— Да это ведь не жизнь, возражал отец, такое бесцельное существование...

— Как на чей взгляд. А вот, по-моему — не жизнь, если в итоге только и можешь сказать, что ты тридцать лет подряд изо дня в день входил в одну и ту же лабораторию.

Мои родители, и родители большинства школьных одноклассников для меня «носили ярлык неудачников». С подросткового «места» представляется, что прожить можно куда-как лучше... Помню себя: ничего не хотел добиваться, я просто хотел жить. Так сегодня происходит с нашими детьми, это естественная смена поколений. Я благодарен отцу — за его науку. Но чтобы созреть до понимания этой мудрости, пришлось пожить еще десяток лет. На выбор моей профессии повлияла мама.

Моя дочь сегодня более покладистая (чем был я), девочки вообще стараются не вступать в открытую конфронтацию и обходят «острые

Постарайтесь сделать чтение перед сном хорошей семейной традицией, оригинальным обязательным ритуалом. И постарайтесь не нарушать эту традицию.

Проводить время вместе — значит отдать ребенку все внимание целиком. Тогда ребенок с нетерпением будет ждать того момента, когда вы дружно сядете вместе, и возьмете в руки книгу или журнал. Чтение, став для ребенка интереснейшим и любимым занятием, является хорошим подспорьем и в педагогической деятельности. Готовится к вечернему чтению ребенок ответственно (если здесь уместно такое определение), опасаясь расстроить маму или папу своим «расшалившимся» поведением.

Это напоминает детское поведение перед днем рождения или новым годом, когда ожидается любимый подарок. Подарок становится символом любви, когда ребенок видит, что родители заботятся о нем. Чтение перед сном также является нашим скромным подарком нашей дочери, только поймет она это чуть позже.

(«Детское чтение: пособие для отцов»)

утлы»; но уже сейчас, когда ей 12, я замечаю нотки своенравия и упрямства. Так развивается новая личность. Опыт моего отца и наших взаимоотношений дает мне понимание, что ребенку надо оставлять шанс на индивидуальность, при этом сделав максимум из возможного в части обучения и обеспечения.

**МНОГИЕ РОДИТЕЛИ ГОВОРЯТ, ЧТО СЕЙЧАС
КОМПЬЮТЕР И КНИГА ВЕДУТ БОРЬБУ ЗА ВНИМАНИЕ
РЕБЕНКА. СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ? КАК КНИГЕ ВЫИГРАТЬ
В ЭТОЙ БОРЬБЕ И СТОИТ ЛИ ВЕСТИ ЕЕ?**

Ни книга, ни компьютер, как предметы неодушевленные, конечно же, в роли самостоятельных провокаторов выступать не могут. Это всего лишь орудия, средства производства, если хотите. Есть четкая мотивация поведения ребенка: делать как все и идти по наиболее легкому пути. Как трудно себе представить сегодня взрослого, сознательно уклоняющегося от присвоения ИНН и не пользующегося доступными благами цивилизации, так сложно и среднему ребенку «плыть против течения» и читать только печатные издания, полностью игнорируя другие коммуникативные технологии, включая компьютер. То есть уклониться от влияния прогресса конечно можно (помните бабушку из произведения Ильфа и Петрова, жгущую на антресолях лучину), но, на мой взгляд, незачем. Ребенку надо дать возможность выбора: научить его и тому, и другому, не лишая его возможности стать гармоничной личностью. Весьма трудно удерживать равновесие между заявленными противоположностями, и, на мой взгляд, в среднем выигрывает компьютер по причинам рассмотренной выше мотивации. Пусть. А завтра появятся новейшие системы, позволяющие дистанционно сканировать и дешифровать мозговую деятельность, то есть читать мысли (даже страшно себе представить, но интеграция микропроцессоров идет именно к этому), на уровне сознания. Куда уйдет книга в классическом печатном виде? Никуда. Она останется до тех пор, пока живут сами люди. В очень долгосрочной перспективе может незначительно трансформироваться с учетом электронных технологий. Заставить читать из-под палки нельзя, нужно в детстве привить привычку (простите за тавтологию) к чтению.

**КАКОЕ СОЧЕТАНИЕ БУДЕТ ПРАВИЛЬНЫМ? ЕСТЬ
ЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТИ? ЧИТАЮЩИЕ РОДИТЕЛИ –
ЧИТАЮЩИЕ ДЕТИ? НЕ ЧИТАЮЩИЕ РОДИТЕЛИ – НЕ
ЧИТАЮЩИЕ ДЕТИ? МОГУТ ЛИ У НЕ ЧИТАЮЩИХ
РОДИТЕЛЕЙ ВЫРАСТИ ЧИТАЮЩИЕ ДЕТИ?**

Лет 15 уже не встречал своего одноклассника, который гордился, что прочитал в жизни только букварь. Но зато на моих глазах состоялась как личность его дочь, у которой никогда не было проблем с чтением. По службе мне приходилось иметь дело с родителями-алкоголиками, у которых сын не имел и не имеет тяги к пагубному пристрастию.

Стало быть, когда мы обсуждаем закономерности, невольно встаем на некую кафедру и... судим... о тех или иных возможностях, или предполагаем вероятность наступления события наперед. Я бы хотел сойти с некой кафедры в данном вопросе. Есть более-менее известный опыт поколений, подкрепленный научными исследованиями, который говорит: читают взрослые — читают и дети, а не наоборот. Наглядный пример, семейные традиции и, в меньшей степени, заложенные родителями генные особенности детей. Если родители будут стремиться популяризировать чтение (и не только чтение), то в определенном возрасте дети «наследуют» копинг-поведение, то есть подражают, имея родителя в авторитете. Вот и вся закономерность, если объяснить ее просто. В остальных случаях — лишь исключение из правил, которое тоже бывает в жизни. Все может быть, но, следуя проверенному правилу, мы, взрослые, все же минимизируем риски.

ЕСТЬ ЛИ УНИВЕРСАЛЬНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ПРОБУЖДЕНИЯ ИНТЕРЕСА К ЧТЕНИЮ У ЧЕЛОВЕКА В ЛЮБОМ ВОЗРАСТЕ?

Интрига — средство для всех возрастов. Чуть-чуть приоткройте завесу будущего, и редкий кандидат в читатели устоит, чтобы не открыть саму дверь. Для этого пишут аннотации в книге, для этого дают в широкую печать рецензии. Внешние возбудители только помогают (или не помогают), но приказать нельзя. В этом простота и сложность проблемы одновременно; будь все просто на уровне готовых методик, сегодня мы не обсуждали бы столь острый вопрос.

ПРАКТИКА РАБОТЫ ПСИХОЛОГОМ ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ. ВЕДЕТЕ ЛИ ВЫ ЗАНЯТИЯ ИЛИ У ВАС ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ КОНСУЛЬТАЦИИ? МОЖЕТ БЫТЬ, ЗАПОМНИВШИЕСЯ, НЕСТАНДАРТНЫЕ СЛУЧАИ? ИНТЕРЕСНЫЕ «ПАЦИЕНТЫ»- КЛИЕНТЫ?

Спектр вопросов консультационной помощи психолога детского чтения сообразен возрастной группе консультируемых. Это в большинстве своем родители с детьми 5—12 лет, озабоченные выработкой у детей навыков выразительного чтения, декламации и начальных навыков

Беспокойная и живая, про таких часто говорят «шило в одном месте», моя Анютка часто не могла заснуть перед сном. Это было настоящей проблемой. А поскольку мы с мамой вечером больше любим почитать, чем посмотреть телевизор (днем почитать совсем нет времени), то ребенок сам предложил оригинальное и непосредственное решение вопроса. Когда доче было 3 года, уже готовясь ко сну лежа в своей постельке, спросила: что вы там читаете?

(«Детское чтение: пособие для отцов»)

Кашкаров А. Детское чтение: пособие для отцов / Андрей Кашкаров. — М. : Либерия., 2010. — (Серия «Библиотекарь и время. XXI век». Вып. 123).

актерского мастерства. Отрадно сознавать, что среди моих клиентов уже есть сложившиеся группы поистине неравнодушных родителей. Но сегодня детское чтение переживает не самые лучшие времена и в части широты предоставляемых консультационных услуг, и в части кадров, и в части методического обеспечения. Профильные ВУЗы России за последние 20 лет закрыли несколько курсов (в составе дипломной практики) выразительного чтения, не открыв ни одного. Редкие специалисты-педагоги с научной степенью — Тихомирова, Шомракова, Туровская, Алова работают с большой долей энтузиазма. Молодым специалистам, особенно мужчинам, требуется в разы большее материальное обеспечение для содержания семей, работать приходится в нескольких местах. Поэтому приток заинтересованных кадров в нашу сферу не велик. Мы ждем и надеемся, что ситуация изменится; по прошедшему году значительно выросло предложение книг по специализации, в работе находятся методики дошкольного обучения детей выразительному чтению. В 2010 году выходит моя книга «Детское чтение. Пособие для отцов». Мы стараемся сохранить наше сообщество. Сегодня я и мои коллеги проводим детские утренники, занятия по выразительному чтению в библиотеках, применяем и индивидуальные консультации. Все это в надежде на то, что сей опыт не канет влету, а родители «ошарашенные» кризисом, придут к пониманию необходимости гармоничного развития детей, поскольку совершенно ясно, что грамотность взрослого человека, его коммуникабельность и культурная ценность напрямую связаны с желанием и умением читать в детстве.

Интересные клиенты (пациенты — это уж слишком пессимистично) периодически преподносят сюрпризы, самый повторяющийся из них связан с родительским недоумением — почему в «переходном» возрасте подростки теряют интерес к чтению и вообще «отбиваются от рук». Пользуясь случаем, отвечаю тем, что девиантное поведение подростка влияет на весь его организм, переводя последний в новый жизненный цикл, и ломка голоса у мальчиков лишь внешнее проявление этого перехода, который много глубже, чем кажется. Родители в этом возрасте часто бьют тревогу, апеллируя к прошедшим годам активного чтения подростка, сменившихся общим нигилизмом, и пресловутой апатией к книге. Не волнуйтесь. Это временное явление, которое к 18–19 годам сменится новым гребнем волны интереса к чтению, и направлять этот гребень будет новый гражданин (в прежнем теле); так трансформируются и «прорастают» зерна, которые вы, родители, не зря заронили в него в детстве. Ведь «в течение всей жизни мы задаем себе одни и те вопросы, меняются лишь ответы». И эти ответы помогает найти книга.

ПУТЬ ДЛИНОЙ В СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ

Самый трудный вопрос, который при подготовке к любому юбилею задают себе и юбиляр, и организаторы торжества — как относиться к отмечаемой дате: как к очередной вехе или как к некоей вершине, взятой в результате долгого пути?

Вот и наш коллектив задает себе вопрос: 70 лет — это много или мало?

Самый трудный вопрос, который при подготовке к любому юбилею задают себе и юбиляр, и организаторы торжества — как относиться к отмечаемой дате: как к очередной вехе или как к некоей вершине, взятой в результате долгого пути?

Вот и наш коллектив задает себе вопрос: 70 лет — это много или мало?

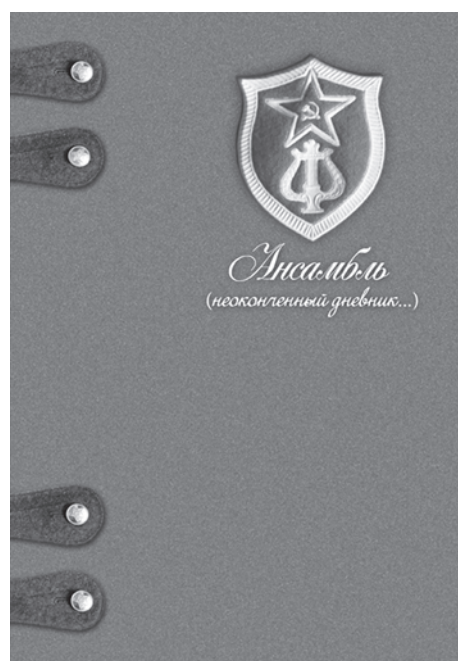
С одной стороны, ответ очевиден: для любого человека это возраст подведения итогов, и память полна воспоминаний, которыми хочется делиться с другими, особенно близкими, людьми...

С другой стороны, что такое семьдесят лет для коллектива? Когда открывается занавес и на сцену выходят молодые ребята и девушки, которые с гордостью говорят: «Нам семьдесят!» — поневоле осознаешь, что для коллектива это возраст только наступающей зрелости. Тот возраст, когда уже есть знания, умение, мастерство — и еще очень далеко до дряхлости и немощности.

Значит, этот юбилей — радостный праздник молодости и счастливого творчества, обретения новых друзей и встреч с друзьями старыми. Это праздник ветеранов, к которым возвращается их юность, и праздник юности, обретающей силу и поддержку всех поколений, незримо стоящих в едином строю.

Как такое может быть, спросите вы?

Для тех, кто прошел школу жизни и творчества в ансамбле песни и пляски, это — не вопрос. Коллектив, где и патриархи, и только начинающие молодые исполнители — одна семья, где каждого знают поименно, где всё общее — и горести, и радости, — такой коллектив жил, живет и будет жить, несмотря ни на какие бури и смуты, несмотря на злобное шипение злопыхателей и сладкие речи горе-ценителей.

Ансамбль (неоконченный дневник...) / авт.-сост. Е. Аптекарь. — Екатеринбург : Баско, 2009. — 224 с. : ил.

Это в полной мере относится к Ансамблю песни и пляски Приволжско-Уральского военного округа!

А раз так, то в книге, которую предлагаем своим друзьям и читателям, мы хотим рассказать о долгом творческом пути нашего славного коллектива, поведать о людях, составлявших и составляющих его гордость. И самое главное — мы хотим, чтобы читатели ощутили своеобразный аромат минувших лет, почувствовали напряженный пульс времени, в котором пришлось жить и работать военным артистам от момента создания ансамбля до наших дней.

Как это сделать, ведь задача не из простых?

И мы вспомнили про те времена, когда люди умели и любили не только ЧИТАТЬ — они любили и ПИСАТЬ. Это была пора, когда каждый (или почти каждый) творческий человек вёл дневник, где отражал события, происходившие с ним, его близкими и друзьями — и важные для него, и порой на его взгляд малозначительные. Как же сейчас бесценны эти записки!

Поэтому, поставив перед собой задачу рассказать вам, дорогие читатели, историю нашего ансамбля честно, ничего не приукрашивая, но и не умаляя, мы решили, что это будут дневники. Даже нет, не дневники — ОДИН, единый дневник, который в разные годы писали разные люди об одном, самом дорогом для них: об АНСАМБЛЕ ПЕСНИ И ПЛЯСКИ УрВО (ныне ПУрВО). Мы не стали «причесывать» эти бесценные воспоминания, оставив неизменными и фразеологию, и орфографию. Пусть! Ведь со страниц этих записок дышит История!

Не все факты и события вошли в книгу, не обо всех мы расскажем — я надеюсь, что наши коллеги разных лет не обидятся. Ведь книга так и называется: «Неоконченный дневник...». Пусть его продолжат те, кто придет вслед за нами. А вам, дорогие читатели, я предлагаю сделать главное: перелистнуть страницу и пуститься в путь длиной в семьдесят лет...

*Евгений Аптекарь,
режиссёр программ Ансамбля песни и пляски ПУрВО,
заслуженный работник культуры РФ*

«ВНЕЭТАПНАЯ» КНИЖНАЯ ЛИНИЯ, ИЛИ РАЗВЯЗАВШИЙСЯ ШНУРОК

Данная сквозная (как всепроникающая радиация) линия никоим образом не вписывается в общую, с превеликим трудом построенную конструкцию книги, что была представлена в предыдущей главе. Обоснование ее выделения, помимо того, что символ «Весов» — книга, сведу к двум основным позициям разного рода и характера (кстати, в первый раз отмечу, что сильно грешен в отношении эклектичности размышлизмов).*

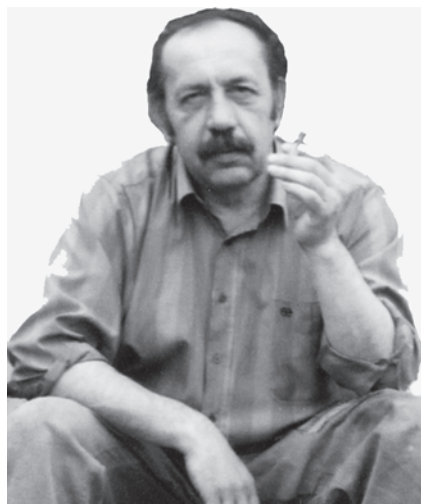
Позиция первая. Леша (старший сын) прошлым летом сказал мне, что кто-то из сотрудников областной библиотеки заинтересовался историей собирания нашей домашней библиотеки, вплоть до возможного взятия интервью или составления записки по данному поводу. На что я ему (думаю, резонно) отвечал что-то вроде: ну кому нужна история сбора некоего (пусть и довольно обширного) малосистемного и безинкунабульного комплекта весьма тиражированных изданий общеизвестных авторов? Плюс к этому и сами «бумажные носители» если и не отмирают, то как-то понемногу (но заметно) отходят на второй план. По прошествии же некоторого времени, однако, проступила и противоположная сторона резона: а вдруг кому-то интересно?

Позиция вторая. Заключается она в том, что к своему (как теперь уже совсем ясно) несчастью, я весьма рано выучился читать (наверное, года в 3-4), так что «бумажный носитель» сопровождает меня всю жизнь. Отсюда, увы, и эклектика, и этигонство, и «разные прочие излишества», как сказал Трус (Г. Вицин) в бессмертной комедии «Кавказская пленница».

Из этих разнородных и разноплановых посылок и составила специфическая книжная линия. Ну, а поскольку вытянулась она, подобно ботиночному шнурку, вдоль всей моей жизни, то и узелков на ней вроде особых нет, а так — бантики.

Бантик 1 (детские воспоминания). Во-первых, это походы в баню (жили мы в своем доме, и отец поставил в нем ванну с дровяной колонкой, когда мне было уже лет 6-7). Ходили туда довольно далеко — к озеру Смолино (район трубопрокатного завода — это километра 1,5). После собственно помывки — киоск в вестибюле и вопрос родителей: что купить? Конечно книгу. Оттуда так и остались «Веселая карусель-1953» и ряд других книжек. Поскольку я их читал, а не перелистывал, то и время достаточно осознанного чтения — 4-5 лет.

Бантик 2: страшное (самое страшное!) наказание — не читать! Это было уже мне годков 8-9. Достаточно долгая была страсть — вырезать ордена (очень тщательно!) из заголовков газет («Правда», «Известия», etc., и.а. — und andere, т. е. и др.). Но ведь там их было мало! (Ленина, Трудового Красного знамени, Красной звезды, ну и еще по мелочи. Да! Отец, войны...). А вот в Большой Советской Энциклопедии (БСЭ) их была тьма-тьмущая. Вот и взялся за вырезывания. Вначале (из страницы) — куском, а потом уже из этого куска — по зубчикам и шестереночкам... Кстати, хорошо, что эти обрезки сохранились, для последующего вклеивания. Все

Валерий Порфирьевич

Алексеев родом из

г. Челябинска. Отец —

экономист, начальник

планового отдела

Челябинской ТЭЦ,

мама — хирург.

1966. Закончил среднюю школу с золотой медалью, поступил в Свердловский горный институт. Выбор, по его словам, был «достаточно случаен»: по справочнику для поступающих в вузы.

Определяющую роль в этом, возможно, сыграла романтика профессии геолога, связанной с походами на природу, которые он любил со школьных лет.

Уже став студентом, он поначалу был недоволен тем, что попал в РМ-3, группу, ориентированную на изучение месторождений угля, даже «грозился» отчислиться, если его не переведут в другую, хотя учился в основном на «отлично». «Срастание» с углем произошло только курсу к третьему, зато угольными месторождениями он с тех пор занимается всю жизнь и благодарен судьбе за этот выбор.

содеянное, разумеется вскрылось, и было определено наказание: месяц не читать! Это была мука, но нашелся небольшой выход. Зимой отец читал «Угрюм-реку» В. Шишкова — в одном томе соответствующего объема. Читал, положив книгу на стол, фундаментально облокотившись локтями, и весьма вдумчиво. Я же, будто играясь, пристраивался сзади и бегло прохватывал взглядом обе страницы (пока отец одолевал пару абзацев). А дальше начинались страдания (мои, конечно) — когда же перевернется страница? Короче, цирк, который наблюдать со стороны (маме — «страшному лейтенанту» от хирургии) было, видимо, крайне интересно. Ну а куски страниц были вклеены папиросной бумагой «взад», в соответствующие тома БСЭ, что можно наблюдать и по сей час.

Бантик 3, или уже собственно о библиотеке. «Ближе к орденам», как приговаривают, играя в карты — вот и эклектичное продолжение бантика 2. Вначале (до революции, а потом — до войны) в семье по материнской линии были приличные библиотеки («Нива», приложения к ней). Мама многое помнила наизусть: Саша Черный, к примеру, Хаггард, Сенкевич, Сю. Много читала наизусть (стихи), и кое-что я запомнил навсегда. Поэтому после выхода замуж и обзаведения домом, в нем, конечно, стали появляться книги. Она сама говорила, что первой была «Три мушкетера». Этот томик в 1/8 жив и сейчас, хотя и сильно потрепан. Год издания 1936-й. Дальше, года до 1953—1955, конечно, не помню, что и как пополнялось, а вот поступления БСЭ в картонных коробках — уже на памяти, причем первые тома — еще с Берией. Сохранились и вкладки, которыми рекомендовалось заменять соответствующие страницы в предыдущих томах.

Бантик 4: шкафы. Вначале книги ставились в глубокий шкаф, в три ряда, что, конечно, было крайне неудобно с точки зрения их использования. Потом отец заказал специальный шкаф буквой «П» (вокруг двери) — полки были значительно больше книг, и последние по мере поступления клались поперек сверху, заставлялись сзади, etc. Потом стали делаться (вручную) открытые стеллажи. Вот так все это и разрасталось... Мать не то чтобы боялась отца в части приобретения книг, но считалось, что он этого «баловства» не поощрял. Поэтому книги приносились полутайком, как-то расставлялись и распахивались. Шило выпадало из мешка, когда ставился новый шкаф: тут уже «секрет Полишинеля» раскрывался. Кстати, когда мы выходили из трамвая с очередной перевязанной веревкой пачкой книг (чаще какое-либо собрание сочинений), реакция соседей по частному сектору, видящих это явление довольно часто, была, наверное, достаточно понятной.

Бантик 5. Книги — строго-настрого — не давались из дома никому. Говорилось так (мамой): пусть приходят и читают. Кстати, тот же подход я внедрил и в своей семье. Жестко? Наверное. Но и библиотека цела почти до последней книги. Что-то, конечно, и пропало, но книги

3-4, не больше. Тот же подход я в основном перевел и на научную литературу.

Отступление. Получаешь (почтой, купил, другое — неважно) новую книгу. Делишься радостью с коллегой (либо тот попросил какую-то книгу) — отдаешь «почитать». Через некоторое время она становится нужной самому. Идешь — где? В ответ: но она же мне нужна (!!!) (вариант — находится дома, или еще лучше — кому-то отдал, а кому не помню) — и т. д. Круто! Короче: отдай жену дяде, а сам иди к б... Поэтому понимаю, что плохо не делиться книгой, частенько еще делаю это, но в основном — не делюсь! — и пусть я буду жадиной. Тем паче, что с худ. литературой сейчас проблемы просто не стало (но об этом потом).

Как девиз многих не то чтобы библиофилов, но просто читателей книги из времен их тотального дефицита:

Не шарь по полкам жадным взглядом,

Здесь книги не даются на дом!

Бантик 6. Значительная часть — по сути база библиотеки — составлена благодаря магазину «Букинистическая книга». Долгое время он находился в объединенном с «Подписными изданиями» помещении на проспекте Ленина (б. ул. Спартака) — сейчас рядом «Агентство аэрофлота». Такое «накопление массы» шло в первой половине 60-х гг., и в весьма немалой мере благодаря мне. Где-то имевшиеся накопленные одно-двухтомники обменивались на собрания сочинений, где-то что-то выкраивалось... Как сейчас помню Раю, Полину и Валю — милых продавцов «Буки»: 3-4 лета я провел во многом в их магазине, будучи допущен ко всем «потайным» полкам спецшкафов. Кстати, возвращаясь к обмену книг. Глеб хорошо запомнил мое высказано-выстраданное: «Люблю именно собрания сочинений. За тебя специалист подумал, собрал номерное собрание... А как плохо с живущими классиками... Приобрел п-томник, а он взял, и еще что-то написал».

Как переход между «бантиками». В первой половине 60-х книжное приложение к журналу «Огонек» подписывалось абсолютно свободно, и можно было ежегодно ставить на полку 24 добротных тома. Сюжет из «Фитиля»: на книжной полке через томик: Бальзак — Стендаль — Бальзак — Стендаль... Гость спрашивает у хозяина: Почему? Ответ: — Люблю яичницу с луком (Стендаль — желтый, Бальзак — зеленый).

Правда, уже и в эти годы на некоторые издания записывались с вечера и стояли ночь (Глеб застал, а я уже нет). А вот когда «Огоньковское» приложение стало распределяться парткомами? Где-то во второй половине 60-х... Кончилась «оттепель»?!

Бантик 7. С наступившим на рубеже 60-70-х гг. резким книжным дефицитом (+мой отъезд на учебу + болезнь мамы) основное поступление литературы в нашу библиотеку переключилось на магазин «Книги», а потом — «Крутозор» в конце ул. Кирова, через Зинаиду

1971. «Красный» диплом по окончании вуза, отказ от аспирантуры и пять лет работы в Южной Якутии

1976. Возвращение в родной Горный в аспирантуру, вся остальная жизнь связана с alma mater.

Женился, как и многие, довольно рано, еще на пятом курсе — типичный «студенческий» брак.

Жена — геолог, сейчас работает заведующей лабораторией в УГППУ.

Старший сын, Алексей, родился в 1972, второй сын в 1978. Алексей пошел по стопам брата Валерия Порфирьевича — радиста — и закончил радиофак УПИ. Младший учится в Горном, что сам Алексеев никогда не афиширует, называя его однофамильцем.

С 1987. Доцент.

С 1989. Проректор по учебной работе Уральской горно-геологической академии.

1990. Защита докторской диссертации.

С 1991. Профессор.

Филипповну (З. Ф.). Абсолютный профан, «сидящий» на книгах, был равен божеству в некоем кругу библио: -любов, -филов, -модников (а в последнем кругу были: мясник, зав. мебельной секцией, парикмахер etc. etc.). Вне всяких очередей «отоваривались» секретарь РК КПСС, кто-то еще из власть имущих (в спец. шкафу была спец. полка). Короче, явление блата описывать не мне, и на книги оно распространялось в той же мере, что и на иные товары. Пока мама была жива, а тем более работала практическим хирургом, она таким блатом и пользовалась. Шла к З. Ф. она каждый раз как на заклинание — ей омерзительно было это выпрашивание, адекватное унижению... Я этого, к сожалению, тогда не понимал...

Бантик 8. «Сухое» пятнадцатилетие: с 1976 г. (смерть мамы) до перестройки и возрождения книгоиздания (начало 90-х). Не буду подробно ворошить макулатурные «Аэропорты» и те же «Три мушкетера», полки с обменными (обманными) книгами; субботними толпами на розыгрыши подписок... — последние мало общего имеют с ночными бдениями ограниченного количества любителей книги, о которых вскользь упомянуто выше.

Один из ранних анекдотов на последнюю тему. Очередь. «— Что дают? — Дюма. — А это крепче, чем кримплен? — Не знаю, еще не пил». Чуточный комментарий: кто читал собрание В. О. Ключевского (1987—1989, тираж 250 тыс. экз.), разыгранное по этим правилам? Хотя, собственно, не надо быть снобом — я его не читал тоже, хоть оно и встало на полку. Честнее мы были в 50-х, когда и Соловьева, и Ключевского можно было купить, но понималось, что читать их могут только историки. А потому в нашей библиотеке их и не было. Кстати: какого только книжного дерьма мы не набрали с Глебом в этот период... 3-4 раза в год я приезжал в Челябинск, с 30-40 рублями, часто взятыми у отца, что называется, «без отдачи» (о, как он гордился, отсчитывая мне эти деньги!). Или с Глебом, или один шел к З.Ф. (см. выше), «высидивал» полчаса — час, как-то втихую платил деньги за стопку книг, в которой от 2/3 до 4/5 было что-то аналогичное «Белой березе» или В. Василевской, и лишь 1-2 книги из 5 — стоящие... Дальше не буду продолжать — и сейчас стыдно за это унижение. Вот так! Как принято говорить, нынешним не понять...

И к этому же бантику. Примерно 1985—1987 годы. На кухне у Глеба. Он тогда начал ездить за рубеж (Венгрия, ГДР). Привозил — читатель, угадай с одного раза — конечно, книги. Перепадало немного и мне. Один из примеров — 4-томник В. Пикуля (1988). Как мы им зачитывались (Пикулем, конечно). И что сейчас? Как говорится, один из... Нет, конечно, хорош. Но, пожалуй, не более.

Итак, продолжая о кухнях. Как на них часто бывало, разговоры о мировых проблемах. И мы в один голос формулируем:

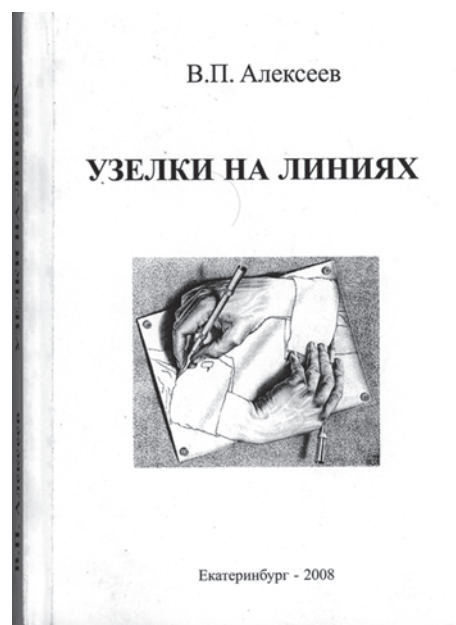
все, что угодно, и как угодно (в будущем), но только чтобы можно было пойти в (книжный) магазин и свободно купить любую книгу!!!

И поскольку это СБЫЛОСЬ, а я хорошо ПОМНЮ весь «антураж», психологически и материально обрамлявший эту мечту, то уже ряд лет я нахожусь в полном согласии с окружающим миром и НАСЛАЖДАЮСЬ ИМ! Да, главной «внешней» причиной здесь является книжное великолепие! Кто помнит 70-е — 80-е — могли бы вы представить себе, что можно пойти в книжный магазин, и выбрать себе какое-либо издание Ремарка? Того же Дюма?? Гессе??? И, наконец, купить «Раковый корпус», за обнаружение которого у вас 25 лет назад следовал определенный, взаправдашний «срок»? Но внутренняя причина, конечно, значительно глубже и заключается в пепобождении от несвободы, в которой пишуший эти прожил более 40 лет. Уже только поэтому никогда от нее не освободиться окончательно. И не хочу в нее обратно!

Бантик 9. Продолжая после выплеснутого собственно книжную тему, отмечу интенсивное наполнение книжных полок в середине 90-х, точнее — в 1993—1994 гг. В основном, это была беллетристика разного рода — от собраний Сенкевича (о, как о нем мечталось в 80-х!) и Авенариуса до серий «Армада» и «Библиотеки исторического романа». Это было как глоток воздуха для долго находившегося без доступа оного. Конечно, «передышал», перенахлебался озона. Но — все же я «Весы» по гороскопу — опять все понемногу уравнилось, и теперь в пополнении библиотеки просматривается достаточно узкий вектор осознанного подбора.

Бантик 10. Большая часть упомянутого выше вектора направлена на приобретение... «ЖЗЛ». Не подумал бы об этом в «совейские» годы, с их «Дипонегоро» (это я не матерюсь: это «замечательный люд»!), их политизированными «Буденными» или «Василиями Алексеевыми» и редкими «Монтаньярами». Подвинули же на собиание именно «ЖЗЛ» именно сыновья, особенно старший. Довольно быстро в те же 90-е мы ее собрали всю в «сегодняшнем» оформлении обложки (т. е. с 1962 г.). Поскольку же в последние 10-15 лет «барахла» в этой серии, по сути, нет, то я беру ее с удовольствием (хоть и удовольствие это чертовски дорогое), и с удовольствием же (по большей части) прочитываю.

А'ргорос: тираж книг «ЖЗЛ» уже давно составляет 5 тыс. экз. И они стоят на магазинных полках!!! — когда же какая-то из книг раскупается, то идет 2-е, 3-е и т. д. издание в том же объеме — как это и делается в любом нормальном обществе! И книги о «среднем» герое тиражом в эти 5 тыс. хватает на всю Россию!! А раньше (см. бантики 7, 8) мы имели — при существенном благе! — книгу, если она издавалась тиражом 200 тыс. экз. При 100 тыс. она уже не доставалась.

Конечно же, это не говорит о том, что книги стали меньше покупать. Во-первых, сам ассортимент возрос неизмеримо. Во-вторых, выросли суммарные тиражи многих авторов. И все же, и все же... Не является ли тираж «ЖЗЛ» неким подобием лакмусовой бумажки к менталитету нового поколения? Очень подобием, и очень примерным... Впрочем, это уже — к социологам и политологам.

Бантик 11. Любая «обычная» квартира имеет свои ограниченные возможности по вмещению чего-либо, в т. ч. и книг. Взрыв книжных приобретений 90-х (глоток воздуха) привел к их быстрому исчерпанию. И, естественно, это привело к чистке «макулатурной» части библиотеки, о чём раньше даже подумать было бы нельзя. Книги на помойку?? Реакция аналогично Балбесу (Ю. Никулин) из к/ф «Операция Ы»: «Пол-литра? Разбить? Да я тебя!!» Ничего, подчистилось и выкинулось. Осталось то, что и делает библиотеку библиотекой — попробую сформулировать: собрание книг, составленное пользователем с определенной целью, в некоторой систематике и которым пользуются с некой периодичностью либо предполагают такое использование в дальнейшем. И дополню: в идеале это собрание — семейное и потомственно-наследственное.

Бантик 12 (научный). Первые книги по геологии я приобрел в студенчестве (на титуле нескольких сохранилась надпись: РМ-66-3). Интенсивно научная часть библиотеки пополнялась во время работы в Южной Якутии, благодаря великолепной работе системы «Книга — почтой» и имевшимся финансовым возможностям. Потом, в Свердловске, все новинки появлялись благодаря заказам в магазинах «Техническая книга» (на Малышева) — издательства «Недра», и «Академкнига» (на М.-Сибиряка). Издавалась эта литература неплохо: по сути, в 70—80-е в СССР мы были, к примеру, в курсе основных достижений зарубежных геологов. А потом... а потом пришла перестройка, и в противовес беллетристике, от научных достижений «западной» мысли мы, «безъязыкие», оказались отсечены полиостью. Так, последнее переводное издание, посвященное осадочным породам (двухтомник под редакцией Х. Рединга), вышло в 1990-м... И все!

Справедливости ради надо отметить, что и отечественная научная литература изменилась кардинально. Да и что ожидать от той же геологии, если численность самих геологов сократилась, что называется, в разы. А с другой стороны, к примеру, об отечественной истории книжку только ленивый доцент не написал и не издал... Но это уже тема для иного разговора и для другой книжки.

Валерий Алексеев

P.S. Мы надеемся, что следующее поколение этой семьи также поделится своими книжными историями чтения и собирательства. И это будет уже другая история: с электронными книжками и созданием коллекций в Интернете. Алексей, слово за Вами.